

Л. В. Алексеев, В. П. Богданов

ИСТОРИОГРАФИЯ

ЗАПАДНЫЕ ЗЕМЛИ ДОМОНГОЛЬСКОЙ РУСИ В ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ ОСМЫСЛЕНИИ

УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ
ДЛЯ АКАДЕМИЧЕСКОГО БАКАЛАВРИАТА

2-е издание, исправленное и дополненное

Книга доступна в электронной библиотеке biblio-online.ru,
а также в мобильном приложении «Юрайт.Библиотека»

Москва ■ Юрайт ■ 2019

УДК 93/94(075.8)

ББК 63.3я73

А46

Авторы:

Алексеев Леонид Васильевич — советский и российский историк и археолог, доктор исторических наук. Более 50 лет работал в Институте археологии РАН (в последние годы был ведущим научным сотрудником сектора славяно-русской археологии);

Богданов Владимир Павлович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник лаборатории истории культуры исторического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, доцент Российской государственной специализированной академии искусств.

Рецензенты:

Лопатин Н. В. — кандидат исторических наук, заведующий информационно-издательской группой Института Археологии РАН;

Пушкина Т. А. — кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии исторического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, член Европейской ассоциации археологов.

Алексеев, Л. В.

А46

Историография: западные земли домонгольской Руси в историко-археологическом осмыслении : учеб. пособие для академического бакалавриата / Л. В. Алексеев, В. П. Богданов. — 2-е изд., испр. и доп. — М. : Издательство Юрайт, 2019. — 431 с. — (Серия : Авторский учебник).

ISBN 978-5-534-10628-2

Книга представляет собой историографический анализ обширной литературы (от Средних веков до Новейшего времени), посвященной проблемам ранней истории, археологии, источниковедения Полоцких, Турово-Пинских и Смоленских земель. Авторы привлекли работы не только крупных ученых, но и малоизвестных краеведов, рассмотрев их на широком общественно-политическом фоне российской и белорусской истории X–XXI вв.

Для всех интересующихся историей, археологией, судьбами русской культуры.

УДК 93/94(075.8)

ББК 63.3я73

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав. Правовую поддержку издательства обеспечивает юридическая компания «Дельфи».

© Алексеев Л. В., Богданов В. П., 2009
© Алексеев Л. В., Богданов В. П., 2019,
с изменениями
© ООО «Издательство Юрайт», 2019

ISBN 978-5-534-10628-2

Оглавление

Предисловие	6
Введение.....	8
Глава 1. Начало исторического изучения западнорусских древностей	14
Летописные и фольклорные произведения как факт историографии	15
Интерес к памятникам древности в Средние века и раннее Новое время...	20
Становление научного знания.....	27
Отражение сюжетов западнорусской истории в произведениях художников и писателей XVIII в.	37
Глава 2. Эпоха Н. М. Карамзина и Н. П. Румянцева в изучении белорусских и смоленских исторических памятников	42
Н. М. Карамзин и его «История Государства Российского»	44
Кружок Н. П. Румянцева и первые описания западнорусских древностей	48
Научное изучение западнорусских древностей	76
Художественное осмысление сюжетов западнорусской истории в работах художников и писателей начала XIX в. и в народной памяти.....	84
Глава 3. «Теория официальной народности» и изучение западнорусских древностей.....	89
Интерес к прошлому в 1820—1830-е гг.	92
Первые попытки регистрации и реставрации памятников.....	99
Братья Тышкевичи	104
Адам Карлович Киркор	112
Историческое краеведение в Западнорусских землях в 1840-х — начале 1850-х гг.	121
Социальная память о сюжетах западнорусской истории домонгольского периода	129
Глава 4. Эпоха Великих реформ и исследования Западнорусского края	133
Теоретико-методологическая база исторических исследований	135
Организация исследований по местной истории	140
Разгром Виленского музея.....	150
Изучение памятников зодчества Западнорусских земель.....	158
Экскурсии И. И. Горностаева и Д. М. Струкова.....	163
Алексей Максимович Сементовский.....	165

Археологические раскопки курганов и городищ Западнорусских земель	171
Художественное осмысление западнорусских древностей и народная память во второй половине XIX — начале XX в.	181
Глава 5. Исследование древних памятников Белоруссии и Смоленщины в пореформенной России	186
Инфраструктура исследований истории Западнорусских земель	191
Изучение Западнорусских земель в период IX Археологического съезда	202
Исследователи западнорусских древностей	211
«Дело о срытии Замковой горы в Витебске» (1897).....	235
Монографические работы по истории Западнорусского края	237
Археологические исследования древних западнорусских городов в начале XX в.	246
Елена Николаевна Клетнова.....	254
Глава 6. Судьбы советской историографии и краеведения в 1917—1930-х гг.	263
Перестройка научной жизни в 1917 г. — 1930-е гг.	264
Советское краеведение в 1920—1930-е гг.	267
Краеведческие и археологические исследования Белоруссии и Смоленщины в 1920-е гг.	271
Разгром Белорусской академии наук в 1930 г.	288
Изучение западнорусских древностей в 1930-е гг.	293
Глава 7. Великая Отечественная война и послевоенный период изучения западнорусских древностей	300
Некоторые особенности развития истории и археологии во второй половине XX — начале XXI в.	301
Великая Отечественная война и ее влияние на исследование древней истории Белоруссии и Смоленщины	306
Труды московских и ленинградских исследователей по изучению западнорусских древностей	309
«Страсти» по Гнёздову.....	320
Работы белорусских ученых 1950—2000-х гг.	330
Социальная память о сюжетах западнорусской истории в 1920—2000-е гг.	345
Заключение.....	350
Библиография.....	354
Указатель имен	407
Принятые сокращения.....	424
Новые издания по дисциплине «История России» и смежным дисциплинам	428

Подростком я вечером делал уроки. Работая, я вдруг дотронулся до оловянного подсвечника — старой семейной реликвии. Я перестал писать, меня охватило волнение. Закрыв глаза, я видел картины, свидетелем которых был старый подсвечник, видел лица. Я почувствовал огромную поддержку в сонме исчезнувших. Конечно, это фантазии, но подсвечник помог мне вспомнить тех, кого больше не было, я их увидел живыми, и я окончательно освободился от страха перед небытием... История науки это реализация ее бессмертия. Не того бессмертия неизменных и вечных законов, которые повторяются, подтверждаются и будут подтверждаться всегда. История науки — реализация бессмертия индивидуальных актов познания, мучительных поисков истины, радостей открытия, личности мыслителей, поворотов и даже ошибок мысли...

Ф. Жолио-Кюри

Предисловие

В 2006 г. вышло двухтомное исследование Леонида Васильевича Алексеева (15 января 1921 года — 22 марта 2008 года) «Западные земли Домонгольской Руси: очерки истории, археологии, культуры». Этот объемный труд стал итогом многолетней исследовательской работы автора [Мазуров А. Б., Черкасов В. В., 2008. № 3. С. 231—237]. Помимо полевых и архивных изысканий самого Л. В. Алексеева, он был основан на обширной историографии, изучение которой представляет само по себе большую гносеологическую ценность. В этой связи, уже когда была закончена работа над указанными двумя томами, автор задумал третий том — книгу, целиком посвященную самому процессу изучения белорусских и смоленских земель домонгольского периода. Тем более, что монография, посвященная белорусской археологии, уже была им написана в 1996 г. К этому же следует прибавить несколько специальных работ Л. В. Алексеева, посвященных изучению истории и археологии Смоленщины. В новой книге (своего рода «третьем томе») он хотел показать, как складывалась наука о западнорусских древностях, проследить процесс введения в оборот обширного историко-археологического материала, без которого невозможно представить сегодняшнюю науку. Однако, в отличие от предыдущих работ подобного плана, Л. В. Алексеев хотел показать данные процессы в контексте общей историографической традиции и общественно-политического развития от раннего русского Средневековья до настоящего времени. Для этого он пригласил соавтора — В. П. Богданова. В результате в новой книге, выпущенной под двумя фамилиями в 2009 г., было следующее «разделение труда»: Л. В. Алексееву принадлежат разделы, посвященные непосредственному развитию знания о западно-русских древностях (поскольку именно им в значительной степени и был собран этот обширный эмпирический материал), В. П. Богданову — разделы, посвященные общественно-политической обстановке той или иной эпохи, а также анализ историографической традиции периода. Кроме того, авторы решили, что неправильно отграничивать строго научное знание от социальной памяти. Тем более, что для периода до середины XIX в. это сделать просто невозможно. Анализ социальной памяти о западнорусских древностях также лег на В. П. Богданова. При этом все разделы книги тщательно обсуждались двумя авторами. К сожалению, книга вышла уже после смерти Л. В. Алексеева и заключительный этап работы проводился без его участия.

Новое издание было бы неправильным делать механическим воспроизведением исследования 2009 г. В нем по возможности учтены работы последних 10 лет, некоторые разделы несколько переработаны, также уточнены архивные ссылки.

Введение

Предлагаемая работа представляет собой третью книгу исследования ранней истории Западнорусских земель. Предыдущие две книги, объединенные общим названием «Западные земли Домонгольской Руси: очерки истории, археологии, культуры», были опубликованы в 2006 г. Они стали итогом изучения региона, занимавшего более трети территории Древнерусского государства, и знакомили читателя непосредственно с политической, социально-экономической и культурной историей края. Обе книги были основаны на трудах археологов, этнологов, искусствоведов, лингвистов, работавших в течение нескольких столетий, а также полевых работах самого автора. У читателя не может не возникнуть вопрос, кто были те труженики, которым так обязаны ныне их потомки; какими методами и в какой общественно-политической обстановке велись исследования, позволившие провести работы столь крупного масштаба. В проблематику третьего тома входит историографическое осмысление обширной литературы (от Средних веков до Новейшего времени), посвященной проблемам ранней истории, археологии, источниковедения Полоцких, Турово-Пинских и Смоленских земель.

Объект и предмет исследования

Знания о прошлом распадаются на две составляющие: *работы профессиональных историков* и *социальную память*. При этом они существуют автономно, но далеко не изолированно друг от друга. Как профессиональные исследователи нередко занимаются трансляцией своих достижений на широкую аудиторию, так и непрофессионалы часто пытаются влиять на процесс научного познания. В этой связи четко разделять историческое знание на научно-ориентированное и на социально-ориентированное не совсем верно [Маловичко С. И., Румянцева М. Ф., 2013]. Они существуют параллельно, оказывая взаимное влияние друг на друга¹. При этом и та и другая составляющая развиваются в одних и тех же исторических условиях, на них влияют одни

¹ Л. В. Алексеев, составляя карту белорусских древностей, нанося данные о древних курганах и городищах, много общался с местными жителями. Интересно, что старожилы в конце 1940-х годов охотно показывали исторические достопримечательности и много говорили о них. Спустя десять лет, в конце 1950-х годов, другое поколение старожиллов практически ничего не могло подсказать исследователю. Таким образом, научное изучение Западнорусских земель много позаимствовало из бытовой социальной памяти.

и те же общественно-политические факторы¹. Предлагаемая работа строится по хронологическом принципе: рассмотрение проблем изучения западнорусских земель от Средневековья до сегодняшнего дня. В рамках выделяемых периодов авторы обращают внимание на четыре аспекта:

- общественно-политическая обстановка,
- научное изучение (как общие историографические подходы, так и конкретные достижения в изучении западнорусских древностей),
- инфраструктура историко-археологических исследований,
- социальная память о западнорусских древностях.

Таким образом, *объект* исследования можно определить как **история русской исторической мысли**, *предмет* — **судьбы историко-археологического осмысления западнорусских земель домонгольского периода**.

В свою очередь, *термин* «Западнорусские земли» (или «Западные земли Руси») включает в себя древние Полоцкую, Смоленскую и Турово-Пинскую земли. Это обширный регион бассейна рек Западная Двина и Днепр, населенный с IX в. восточно-славянскими племенами кривичей и дреговичей, ставший одним из важных центров древнерусской государственности. Работы Л. В. Алексеева показали, что эта территория была важным ответвлением знаменитого торгового Пути из Варяг в Греки. Несмотря на общий начальный этап становления, дальнейшая история земель, которые в древности входили в этот регион, была различна. Если Смоленские и Турово-Пинские земли в XI—XII вв. полностью втянулись в орбиту общерусской жизни, то Полоцкая земля сохранила свою некоторую обособленность: в ней правила потомки не Ярослава Мудрого, как во всех древнерусских землях, а Изяслава, другого сына Владимира Святого. Ни белорусские, ни смоленские земли не подверглись набегу татар в конце 1230-е гг. Хотя именно ослабление государственной власти из-за татаро-монгольского нашествия привело к тому, что в течение XIII—XIV вв. Полоцкие и Турово-Пинские земли вышли из состава некогда единого Древнерусского государства и вплоть до XVIII в. были втянуты в политическую орбиту Литвы, а затем и Речи Посполитой. Смоленск — пограничный город — тоже переходил из рук в руки, но большую часть своей истории находился в составе России. В этом плане примечательно предание о Меркурии Смоленском, защитившем город от войск Батыя. Эта легенда (окончательно сложившаяся к XVI в.), апеллируя к общерусской трагедии, вписывала Смоленск в судьбы именно русских земель, к тому времени оказавшихся под властью московских князей.

¹ Так и Н. М. Карамзин, создававший свою «Историю Государства Российского», и граф Н. П. Румянцев и Е. Ф. Канкрин, делавшие первые попытки научного историко-археологического осмысления западно-русских древностей, и К. Ф. Рылеев, писавший поэмы «Думы», где также фигурировали древние западно-русские реалии, жили и работали в одно и то же время: патриотического подъема после победы в войне 1812 г. и преддекабристскую эпоху.

Заметим также, что разные исторические судьбы отдельных территорий, входящих в рассматриваемый регион, определили и разную степень их историко-археологического изучения.

Историография

Любая наука требует осмысления наработок предшествующего времени на широком историко-культурном фоне. Это порождает два основных понимания предмета историографии. По сути дела, они с разных сторон характеризуют общий вывод Н. Л. Рубинштейна, что историография есть история исторической мысли и задача ее как науки — показать историю развития исторической науки в связи с общим развитием общественной и научной мысли [Рубинштейн, 1941. С. 3—5]¹. Однако часть исследователей относит к предмету историографии лишь те работы, которые напрямую посвящены историческим (в том числе теоретико-методологическим) проблемам (В. Е. Иллерецкий, И. А. Кудрявцев [1971], А. М. Сахаров [1977; 1978], М. В. Нечкина [1965], Е. Н. Городецкий [1974] и др.²), другая часть включает в это понятие и *распространение исторических знаний в обществе, в том числе отражение прошлого в произведениях литературы и искусства* (А. Л. Шапиро [1957], Л. В. Черепнин [1993]), то что в нашей книге называется «**социальная память**».

Для авторов предлагаемой книги ближе второй подход. В данном пособии изучение западнорусских древностей будет вписано не только в общий историографический контекст, но и по возможности в контекст тех историко-культурных процессов, которые происходили в период создания тех или иных трудов. Анализ конкретных научных произведений, от восточно-европейских хроник (М. Стрыйковского, Я. Длугоша и др.) до крупнейших исследований современности (В. В. Седова, Э. М. Загоруйского, Е. А. Шмидта, Г. В. Штыхова и др.), будет дан на фоне научных и общественно-политических процессов, происходивших в России и сопредельных странах в XVI—XXI вв.

¹ Следует отметить, что работа Н. Л. Рубинштейна была вехой в отечественной историографии. С одной стороны, исследователь опирался на труды дореволюционных авторов, с другой — указал направление последующего изучения истории отечественной науки. При этом самому Рубинштейну было необходимо выработать свое понимание предмета историографии. До революции такие ученые, как М. О. Коялович, В. О. Ключевский, П. Н. Милюков, А. С. Лаппо-Данилевский, видели предмет историографии в изучении смены исторических концепций (тем самым сближая ее с историей философии), а С. М. Соловьёв, К. Н. Бестужев-Рюмин, В. С. Иконников подразумевали под ним биографии отдельных ученых с библиографией их трудов, а также изучение инфраструктуры (истории архивов, работы университетов и т. д.). Во втором случае историография сближалась с источниковедением и исторической библиографией [Лачаева М. Ю., 2001. Т. 1. С. 5—12].

² Авторы учебника «Историография истории России до 1917 года» [М., 2003, Т. 1; М., 2004. Т. 2] представляют как разные взгляды Иллерецкого-Кудрявцева и Сахарова-Нечкиной-Городецкого. Однако, на наш взгляд, они достаточно близки и вполне могут быть объединены.

Истории отечественной археологии посвящен ряд исследований. Это в первую очередь работы А. А. Формозова (Формозов, 1961; Формозов, 1986 и др.), посвященные развитию отечественной археологии в дореволюционный период. Обобщающая монография Г. С. Лебедева [Лебедева Г. С., 1992], формально посвящена развитию археологии 1700—1917 гг. Однако она выходит за указанные рамки. В частности, в заключении автор фактически дает очерк развития советской археологии (1917—1991). Непосредственно советской археологии (правда, периоду в 1920—1930-е гг.) посвящены монографии В. Ф. Генинга и А. Д. Пряхина (Генинг, 1982; Пряхин, 1986). Работа В. Ф. Генинга была первой и охватывает период от начала советской власти до середины 1930-х годов, примерно до принятия постановления Совета народных комиссаров и ЦК ВКП(б) от 16 мая 1934 г. «О преподавании гражданской истории в школах СССР». Однако исследование А. Д. Пряхина, доведенное до конца 1930-х годов (до создания кафедр археологии в вузах страны) и написанное на основе не только опубликованных археологических работ, но и на архивных материалах, в значительной степени перекрывает работу Генинга. Книга Пряхина распадается на два больших раздела, посвященных, соответственно, первому и второму десятилетиям развития советской археологии. В работе нашел отражение анализ не только археологических исследований 1920—1930-х годов, но и институционального развития советской археологической науки. Особый интерес представляют главы о системе подготовки кадров советских археологов, обзоры конференций и проводившихся дискуссий в рассматриваемый период и т. д. Кроме того, по материалам личных дел, делопроизводственных документов научных учреждений и работ выдающихся деятелей археологии (В. А. Городцова, А. А. Спицына, Ю. В. Готье и др.) даются историко-культурные портреты этих ученых, анализируется их вклад в отечественную археологию. В работах А. А. Формозова, В. Ф. Генинга и А. Д. Пряхина рассматриваются общие вопросы развития отечественной археологии. Кроме того, для нашей темы представляют интерес книга В. А. Бердинских (2003) и учебное пособие А. М. Селиванова (2005), освещающие изучение местной истории и организацию краеведческих исследований в нашей стране в XVIII—XX вв.

Имеются две книги, посвященные непосредственно археологическому изучению Западно-русских земель. Это работы Г. А. Кохановского [Кохановский Г. А., 1984] и Л. В. Алексеева [Алексеев Л. В., 1996]. Собрал много интересных материалов, Кохановский, как нам кажется, неудачно сгруппировал их, уделив истории белорусской археологии первой половины XIX в. (когда археологии как науки еще почти не было) 72 страницы, а второй половине — всего шесть. Кроме того, он ввел разделы о музейном деле и охране памятников, что ограничило его возможности рассматривать историю белорусской археологии на фоне развития археологии всей России и т. д. Как отмечалось рецензентами этой книги, Г. А. Кохановский был вынужден «слишком

бегло говорить об отдельных краеведах, работы которых заслуживают более подробного анализа». Коротко говорилось не только о краеведах, но и о серьезных деятелях (Н. П. Румянцев), а некоторые из них не были даже названы (Е. Ф. Канкрин и др.). Однако это первое сравнительно большое издание на данную тему. Многие материалы приводятся в ней впервые. Как справедливо отмечали рецензенты, весьма положительной ее стороной является обилие найденного в архивах материала, привлечение картографических источников XVI—XVIII вв. и др. Сведения об археологических материалах частных коллекций магнатов Великого княжества Литовского, приводимые Г. А. Кохановским, используются и в данной книге.

Работа Л. В. Алексеева была посвящена большому количеству сюжетов, связанных с изучением западнорусских древностей. Хронологически она охватывала период с XVI в. (работа М. Стрыйковского) до 1930-х годов, сложного времени для исторической науки. Внимание автора привлекли не только масштабные фигуры таких признанных исследователей региона, как Н. П. Авенариус, А. П. Сапунов и десятки других, но и фигуры, не отождествлявшиеся с проблемами изучения Западнорусских земель, например, государственный деятель Е. Ф. Канкрин или этнограф К. Н. Иков. Само же исследование было поделено на девять глав, соответствующих разным этапам изучения региона.

Таким образом, авторы предлагаемой книги опирались не только на исследования конкретно-исторических сюжетов, но на труды по истории самой исторической науки. В связи с новым изданием книги В. П. Богдановым были также учтены новейшие публикации по историографии и источниковедению [Наумова Г. Р., 2018; Источниковедение, 2015 и др.]. Следует отметить, что недавно вышло новая книга по белорусской археологии [Шамов В. П., 2014]. Впрочем, она больше ориентирована на туризм, в ней дан краеведческий анализ природных и исторических объектов, литературных источников. Особое внимание уделено жизни и научной деятельности исследователей белорусского края.

Источники

Основными источниками по рассматриваемой теме стали разнообразные материалы: от широко известных монографий до забытых ныне публикаций в региональной периодике. Для понимания того, насколько ранняя история Полоцких, Турово-Пинских и Смоленских земель была известна непрофессиональной публике, авторы обращались также к произведениям художественной литературы и изобразительного искусства, в которых так или иначе присутствовали западнорусские сюжеты. В целом, источниками исследования стали традиционные для историографических работ материалы [Источниковедение, 2015. С. 525—563], которые распадаются на несколько групп.

Первая группа — это, главным образом, монографии, статьи, оказавшие значительное влияние на исследовательский процесс; для более

современного периода — курсы лекций, учебные пособия и т. д. То есть все то, что зафиксировало результаты творческого поиска профессиональных ученых. Подавляющее большинство данного рода материалов опубликовано, поскольку изначально предназначено для дальнейшей трансляции научного знания.

Вторая группа представляет собой источники личного происхождения, оставленные как исследователями, так и их современниками. Они тоже, как правило, опубликованы, хотя некоторая часть по-прежнему доступна только в архивах.

Наконец, *третья группа*, это разного рода делопроизводственные материалы: инструкции, отчеты экспедиций, «открытые листы» и т. д., то, что всегда скрыто от широкого читателя.

Все эти источники характеризуют работу профессиональных исследователей. Однако, как уже было сказано, рассматривать профессиональную историографию в отрыве от общественно-политического контекста и социальной памяти неправильно. В этой связи следует выявить и *четвертую группу источников* — это то, что представляет собой художественное осмысление западнорусских реалий: литературные произведения и памятники изобразительного искусства.

Наконец, *пятую группу* источников составили памятники, отразившие раннюю историю западнорусских земель и представления об этой истории. Речь идет о летописях и фольклорных текстах, которые в период Раннего Средневековья были единственными формами фиксации и трансляции не только социальной памяти, но и научной традиции. Впрочем, и в новейшее время фольклорные представления старожилов могут существенно помочь профессиональному исследователю в его работе.

В совокупности эти пять групп источников позволяют увидеть масштабы и глубину изучения истории западнорусских земель домонгольского периода.

Глава 1

НАЧАЛО ИСТОРИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ЗАПАДНОРУССКИХ ДРЕВНОСТЕЙ

История есть слово греческое, то самое значит, что у нас Деи или деяния; и хотя некоторые мнят, еже деи или деяния единственно дела, учиненные людьми, значит, а приключения естественные или чрезъестественные выключаются, но, внятно разсмотря, всяк познает, что нет никакого приключения, чтоб не могло деянием назваться, ибо ничто само собою и без причины или внешнего действия приключиться не может. Причины же всякому приключению разные, яко от бога или от человек, что здесь, яко довольно сказанное, пространнее толковать оставляю.

В. Н. Татищев

Первый этап изучения Западнорусских земель охватывает длительный период, примерно с XI по конец XVIII в. Нетрудно заметить, что его начало совпадает с предметом нашего предшествующего исследования — развитием Западнорусских земель в домонгольский период [Алексеев, 2006]. Конец же его приходится на принципиально иную историческую эпоху. В целом указанный период охватывает время от начала русского летописания вплоть до конца «докарамзинской» эпохи русской историографии. Данный этап вполне можно дробить на разные хронологические отрезки (и это будет, безусловно, правомерно), однако эти семь столетий характеризуются некоторым историко-культурным единством. Для науки этого времени характерен не столько анализ факта, сколько простая его констатация. Как известно, В. Н. Татищев не рискнул создать обобщающий исследовательский труд по истории России и ограничился сведением разных летописных сообщений, лишь снабдив их комментариями (и это уже было само по себе важным достижением исторической науки). Поэтому период XI—XVIII вв. можно охарактеризовать как время фиксации, а затем и выявления фактов, относящихся к истории изучаемого региона. Впрочем, как мы увидим, это вовсе не исключало интерпретаций (т. е. элементов анализа) событий, деятельности отдельных личностей и т. д. Кроме того, на протяжении XI—XVIII вв. постоянно менялось место Западнорусских земель (они входили и выходили из состава российского государства,

в рамках которого, а также сопредельных стран, имели разный статус), что не позволяло еще изучать их в комплексе.

Летописные и фольклорные произведения как факт историографии

Известно, что любой нарратив, если он содержит какую-либо оценочную информацию, может рассматриваться и как источник, и как историография по теме. Это позволяет анализировать русские летописи с точки зрения общего историографического процесса. Н. Л. Рубинштейн в своем капитальном труде отметил, что «в летописи сняты все грани, отделяющие автора-составителя свода от его источника» [*Рубинштейн*, 1941. С. 1]. Однако позиция автора и оценка происходившего с его собственной точки зрения и с точки зрения той общественно-политической обстановки, в которой ему приходилось работать, прослеживается в подборе описываемых фактов, изложении событий, характеристиках (впрочем, довольно редких) тех деятелей, о которых идет речь в повествовании, и т. д.

Тем примечательнее для нас упоминание в летописях деятелей Западнорусских земель или фактов истории этого края при оценке тех или иных событий. К сожалению, памятников собственно полоцкого или смоленского летописания до нас не дошло. Хотя скудные упоминания о том, что таковое велось, мы имеем. Например, В. Н. Татищев в «Предъизвещении» к первой редакции «Истории Российской» упоминал и Полоцкую, и Смоленскую летописи, которыми он пользовался в библиотеке П. М. Еропкина и А. Ф. Хрущёва [*Татищев В. Н.*, 1964. С. 47]. Кроме того, явные следы полоцкого и смоленского летописания мы находим в некоторых общерусских сводах. Однако западнорусские реалии довольно редко фигурируют в русских источниках. Например, в Повести временных лет Полоцк упомянут лишь 11 раз, при этом большая часть этих упоминаний связана с именем знаменитого Всеслава Полоцкого — фигуры общерусского масштаба. На основе этого можно признать, что Западнорусские земли, особенно Полоцкое княжество, воспринимались жителями Киевской державы как несколько обособленная территория. С этим, в частности, связано и большое количество легендарных и фольклорных сказаний, которые приводит летописец, описывая этот регион. Например, явно фольклорного происхождения сюжет, помещенный под 1092 г. (и к которому еще предстоит вернуться), о бесах и мертвецах, которые пришли из Друцка и в Полоцке «уязвляли язвою» полочан [ПВЛ, 1996. С. 191]. Недаром и самого Всеслава Полоцкого, по мнению древнерусского летописца, «мать родила от волхования» [ПВЛ, 1996. С. 67]. Таким образом, летописец, описывая западнорусские реалии, находился под влиянием фольклорных и легендарных представлений и иногда старался отразить именно их, а не подлинные исторические события.

Отчего же это происходит? Рискнем предположить, что подобная ситуация может быть объяснена двумя причинами. Первая причина — иноэтничный (особенно Полоцкой земли) состав населения Западно-русского края в сравнении с другими восточнославянскими племенами. Как показали археологические исследования региона, славянское население здесь активно взаимодействовало с местным балтоязычным [Седов, 1995. С. 369; Шмидт Е. А., 2012 и др.]. Это привело к созданию материальной культуры особого типа и даже отразилось на внешнем облике местных жителей¹. Вторая же причина, менее важная, — сильный скандинавский компонент ранней истории Полоцка, Турова, Смоленска, часто подчеркиваемый летописцем в то время, когда правящая киевская династия выглядела уже абсолютно славянской. Летописец прямо сообщает, что в Полоцке и Турове правили князья варяжского происхождения: в первом — Рогволод, во втором — Туры [ПВЛ, 1996. С. 36]. О варяжских князьях Смоленска летопись не сообщает, однако о наличии норманнского компонента на этой территории, в том числе и в составе правящей элиты, говорят археологические данные. Кроме того, Полоцк и Смоленск очень часто упоминаются и в скандинавских источниках [Джаксон Т. Н., 2001]. Видимо, Полоцкие, Турово-Пинские и Смоленские земли воспринимались большинством жителей Киевской Руси как «чужие» в силу их особого этнического состава, а также в силу обособленных «варяжских династий», правивших здесь вплоть до XI в.

Теперь же разберем несколько преданий, связанных с Западнорусскими землями и отраженных летописью.

Первым таким преданием можно считать рассказ о сватовстве Владимира к Рогнеде, дочери полоцкого князя Рогволода. Причем в летописях этот рассказ, в несколько отличающихся интерпретациях, помещен дважды (под 980 и 1128 гг.). В статье под 980 г. это событие преподнесено как неудавшееся сватовство новгородского князя к гордой полоцкой княжне, и сюжет выглядит вставной новеллой в рассказе об усобице между Владимиром и Ярополком. Рогнеда отказала Владимиру со словами «не хочу разути робичича» (Владимир, по преданию, был сыном великого князя Святослава и рабыни Малуши Любечанки). Оскорбленный Владимир захватил Полоцк, убил Рогволода и его семью, а Рогнеду силой взял в жены. Рассказ этот вполне может рассматриваться как желание летописца подчеркнуть жестокость Владимира до принятия христианства, чтобы лучше оттенить его образ как Крестителя Руси. Об этом свидетельствует и явная параллель между сообщением 980 г. и так называемой «Корсунской легендой» крещения Владимира [Шахматов, 2001. С. 101—121]. Во втором случае (под 1128 г., после сообщения о высылке полоцких князей в Византию) рассказ о жестокой расправе Владимира над родственниками Рогнеды, воспроизводимый с новыми подробностями, служит своего рода оправданием

¹ Об особом морфологическом облике белорусов впервые писал К. Н. Иков (Алексеев, 1996. С. 123—125).

того, почему «мечь взимають Рогволожи внуци противу Ярославим внуком». При этом рассказ 1128 г. содержит три мотива, имеющие отчетливые литературные параллели (ритуальное оскорбление Рогнеды, переименование Рогнеды в Гориславу и попытка отмщения Рогнеды-Гориславы своему обидчику-мужу Владимиру; подробнее см.: Литвина, Успенский, 2006. С. 335—354). Отметим также, что рассказ 1128 г. уже в XVIII—XIX вв. будет часто привлекать внимание художников и литераторов.

Так или иначе, два варианта легенды о захвате Владимиром Полоцка и его сватовстве к Рогнеде служат утверждению двух важных исторических идей. Первая: превосходство христианства над язычеством (а приверженность язычеству ведет к жестокости). Вторая: объяснение вражды полоцких князей с потомками Ярослава Мудрого и оправдание высылки первых в Византию.

А. Н. Толстой заметил: «Русский народ создал огромную изустную литературу: мудрые пословицы и хитрые загадки, веселые и печальные обрядовые песни, торжественные былины (говорившиеся нараспев, под звон струн) о славных подвигах богатырей, защитников земли народа, героические, волшебные, бытовые и пересмешные сказки. Напрасно думать, что эта литература была лишь плодом народного досуга. Она была достоинством и умом народа. Она становила и укрепляла его нравственный облик, была его исторической памятью, праздничными одеждами его души и наполняла глубоким содержанием всю его размеренную жизнь, текущую по обычаям и обрядам, связанным с его трудом, природой и почитанием отцов и дедов...» [цит. по: *Наумова Г. Р.*, 2018. Ч. 1. С. 23—24]. В связи с этим важное историографическое значение имеют и упоминания полоцких реалий в литературных (в том числе фольклорных) памятниках.

Наиболее бесспорным следует считать отражения в фольклорных памятниках образа Всеслава Полоцкого. Как уже было сказано, летописец не преминул подчеркнуть, что тот был рожден «от волхования». Однако не только летопись относится к нему как к человеку, обладающему тайными знаниями. Так, сохранились былины о Волхе Всеславиче (Вольге Сеславиче); причем исследователи относят их к «древнейшему пласту русского эпоса» [Свод..., 2001. С. 662]. В былине об исцелении Ильи Муромца рассказывается о предупреждении калик перехожих: «Не ходи ощё на Вольгу Сеславьича: Он не силою возмет, Так хитростью-мудростью» [Песни..., 1861]. В данном случае несомненно, что отчество былинного князя восходит к историческому деятелю домонгольской Руси: имя Всеслав было родовым в полоцкой ветви династии Рюриковичей. Князем-волшебником предстает Всеслав Полоцкий и в «Слове о полку Игореве» [Слово о полку..., 1981. С. 102]:

На седьмом веке Трояна
кинул Всеслав жребий
о девице ему милой.

Хитростью оперся на коней
и скакнул к городу Киеву,
и коснулся древком
золотого престола киевского.
Отскочил от них лютым зверем
в полночь из Белгорода,
объятый синей мглой, добыл удачу:
в три попытки отворил ворота Новгорода,
расшиб славу Ярославу,
скакнул волком
до Немиги с Дудуток.
А Немиге снопы стелют из голов,
молотят цепами булатными,
на току жизнь кладут,
веют душу от тела.
Немиги кровавые берега
не добром были засеяны,
засеяны костью русских сынов.
Всеслав-князь людям суд правил,
князьям города рядил,
а сам ночью волком рыскал:
из Киева до петухов дорыскивал до Тмуторокани,
великому Хорсу волком путь перерыскивал.
Ему в Полоцке позвонили к заутрене рано
у святой Софии в колокола,
а он в Киеве звон тот слышал.
Хоть и вещая душа была у него в храбром теле,
но часто от бед страдал.
Ему вещей Боян
ещё давно припевку, разумный, сказал:
«Ни хитрому,
ни умелому,
ни птице умелой
суда божьего не миновать!»

Приведенные примеры показывают, что образ Всеслава Полоцкого в глазах древнерусских жителей был окутан таинственным ореолом, что и нашло соответствующее отражение в летописях и фольклорных памятниках. Примечательно, что в Повести временных лет фигура Всеслава Полоцкого приобретает значение «Божьего наказания». Именно наказанием Ярославичей за преступление крестоцелования и объясняет летописец факт вокняжения полоцкого властителя в Киеве в 1068 г.

Однако важно подчеркнуть и другое, что не только личность князя Всеслава выглядела фантастичной в восприятии людей Киевской Руси XI в., но и вся Полоцкая земля была не менее фантастичной: «...в Киеве имя Полоцка в старое время произносилось, по-видимому, с оттенком предубеждения, враждебным тоном суеверного предрассудка...» [Леонардов, 1912. С. 124]. Доказательством этому служат абсолютно фантастические рассказы о «придивном чуде в Полотьську», помещенные в Ипатьевской, Тверской и ряде других летописей под 1092 г Согласно

им, целые полчища бесов на конях рыскали по Полоцкой земле и пугали мирных жителей во время эпидемии. «Подобно тому как земля литовская долгое время почиталась очагом всевозможных чудес и чародейний, так страна полоцких кривичей в XI—XII веках за область волхований и загадочных явлений считалась каким-то гнездом бесовской нечестии, зачарованным уголком, над которыми как будто тяготеет проклятие со всеми последствиями: язвою, моровым поветрием и пр.» [Леонардов, 1912. С. 126].

В дошедших до нас летописях полоцкие известия XII—XIII вв. практически не имеют самостоятельного значения. Почти все они подчинены рассмотрению политики окружающих Полоцк княжеств и нарождающегося Литовского государства. При этом информации, которую можно было бы отнести к историографической, они практически не содержат. Впрочем, последнее относится и к упоминанию Турово-Пинских и Смоленских земель. Однако в период феодальной раздробленности эти земли оказались связаны с жизнью нескольких почитаемых религиозных деятелей. Полоцк оказался родиной знаменитой Евфросинии Полоцкой, много сделавшей для развития культуры этой земли. Современником Евфросинии был легендарный полемист, проповедник Кирилл Туровский. Младшим современником этих двух виднейших просветителей был и Авраамий Смоленский. Непосредственно к началу монголо-татарского нашествия относится предание о Меркурии Смоленском (ум. 1239). В житии Евфросинии Полоцкой так сказано про Полоцкую землю: «Ефросинья небопарный орел, попарившия от запада до востока, яко луча солнечныя просвятившия землю Полотскую. Тем же хвалится Селун о святем Димитрии, а Вышгород мученикома Борисом и Глебом. Аз же хвалюся: блажен се и ты, град Полотский, такову леторасль возрастивый, преподобную Еврасинию. Блажени людие, живуци во граде том; блажены родители твои...» [Повесть..., 2005. С. 219]. Таким образом, уже к XIII в. рассматриваемый регион воспринимался как родина, по крайней мере, трех авторитетных деятелей русской церкви. В дальнейшем это обстоятельство не могло не влиять на восприятие истории Полоцкой, Смоленской и Турово-Пинской земель. Забегая вперед, следует отметить, что много в изучении Западнорусских земель было сделано как раз лицами духовного звания. Например, первое подробное сочинение по истории Смоленска было составлено священником Н. Мурзакевичем [Мурзакевич Н. А., 1804]. В свою очередь атрибуты церковной жизни (от монументальных храмовых строений до небольших икон, фрагментов рукописей и т. д.) — довольно внушительная часть всего источникового комплекса по истории региона.

Нельзя не заметить и некоторого интереса к собственно археологическим памятникам, который прослеживается у летописцев. Как известно, в той или иной степени археологические памятники интересовали людей всегда. Уже у Геродота находим свидетельство о существовании в его времена остатков укреплений Дария [Геродот, 1972.

Кн. IV. С. 218]. О раннем этапе интереса к археологическим памятникам на Руси у нас не так много сведений. Никон Печерский (XI в.) был первым русским историком, проявившим интерес к древним реалиям. На протяжении своего (реконструированного А. А. Шахматовым) труда он 18 раз обращается к ним для подкрепления приводимых исторических фактов, т. е. памятники у него фигурируют в качестве исторического источника [Каргер, 1958. С. 11—23]. Как показало исследование А. А. Формозова, русские источники часто упоминают археологические памятники при описании каких-либо местностей: курганы по грамоте Андрея Боголюбского Киево-Печерскому монастырю, «длинные валы» у Киева и т. д. [Формозов, 1961. С. 12]. К сожалению, у нас нет сведений о восприятии жителями Древнерусского государства западнорусских древностей.

В целом, можно констатировать, что в сознании жителей Древнерусского государства, далеком от настоящего научного осмысления, рассматриваемый регион изначально воспринимался как чуждый в системе Киевской Руси. Если Турово-Пинская и Смоленская земли оказались в значительной степени инкорпорированы в эту систему, то Полоцкая продолжала оставаться несколько обособленной. Причина этому — княжеская династия, восходящая не к Ярославу Мудрому, а к его брату Изяславу. При этом персонажи полоцкой истории помогают летописцу утверждать важные исторические идеи и концепции, оттенять образы киевских правителей. Так, легенда о сватовстве Владимира к Рогнеде подчеркивает жестокость Крестителя Руси до принятия христианства, легенда о киевском восстании 1068 г. и посажении на великокняжеский стол Всеслава обличает Изяслава, старшего сына Ярослава Мудрого, который преступил крестоцелование. В период же феодальной раздробленности Полоцкая, Смоленская и Турово-Пинская земли воспринимались как родина трех почитаемых на Руси церковных деятелей, что влияло на последующее внимание именно к церковной истории региона. Что касается интереса к археологическим памятникам рассматриваемых территорий, то в столь ранние периоды о нем ничего не известно, видимо, потому что большинство изучаемых археологами городищ, курганов и т. д. в раннем Средневековье еще активно функционировали.

Интерес к памятникам древности в Средние века и раннее Новое время

В период XIII—XVI вв. можно говорить уже о более или менее устойчивом интересе к западнорусским древностям, причем как на бытовом, так и на близком к научному уровнях. В первом случае это связано с тем, что многие памятники предыдущих эпох уже перестали функционировать и вокруг них сложилось множество легенд. Во втором случае это связано с модой на памятники прошлого, которая зародилась

в Западной Европе и проникла в Польшу и Литву. Поскольку значительная часть Западнорусских земель оказалась под властью этих государств (по Люблинской унии 1569 г. объединившихся в одно — Речь Посполитую), то образованные магнаты проявляли активный интерес к прошлому этих территорий. В некоторых случаях это было связано с необходимостью идеологического обоснования древних прав Литвы и Польши на земли Западной Руси.

Начнем с обыденных представлений о прошлом этих территорий, непосредственно связанных с археологическими памятниками. Интересно, что население никогда не смешивало погребальные холмы с простыми холмами и их выделяло. Наблюдения над их наименованиями в 1955 г. привели Л. В. Алексеева к мысли, что помимо тюркского по своему происхождению наименования «курганы» существуют и два более древних локальных названия: в центральной и южной Белоруссии «капцы» (от литовского *karas* — могила), в северной Белоруссии и западной Смоленщине — «волотовки». Наименование «капцы» происходит с той территории, которую до славян населяли балтские племена (культура штрихованной керамики). Термин этот является, следовательно, древнейшим. Население городищ культуры штрихованной керамики в курганах не хоронило, все курганы на его территории относятся ко времени более позднему — рубежу I и II тыс. н. э., а это означает, что во фразеологии уже давно ассимилированного населения еще существовали балтские термины. То же относится к наименованию «волотовки», хотя термин, несомненно, более поздний. Термин этот не связан с велетами Страбона (как предполагал П. И. Шафарик) и с кочевыми «влачившимися» якобы племенами (как предполагал Е. П. Тышкевич), он отражает, как заметил А. Н. Афанасьев, древние представления о «волотах» — великанах [*Шафарик*, 1848. Т. 2. Кн. 3. С. 90—95, 98, 111; *Tyszkiewicz E.*, 1847; *Афанасьев*, 1868, С. 650, 651; *Потебня*, 1891. С. 212; *Веселовский А. Н.*, 1896. С. 248—249, 275]. Именуя курганы «волотовками», местное население, очевидно, считало, что в этих больших насыпях, где встречаются человеческие кости, погребены великаны прошлого.

Как писал Г. С. Лебедев: «Курганы стали материальной фиксацией эпического предания, материализацией “эпического времени”. [...] Постепенно эпическая функция переросла в *функцию историческую*. На первых страницах русской летописи предания о Вещем Олеге (фигура, ещё полуэпическая) завершаются указаниями на его “могилу” (курган), и локализация — эпически неотчётлива: то ли в Киеве на Щекавице, то ли в Ладогe» [*Лебедев Г. С.*, 1992. С. 16]. Краковский историк, каноник Ян Длугош (1415—1480), первый обратил внимание на археологические памятники. Он описал «копцы» под Краковом, но заключения его были фантастичны. Я. Длугоша читал другой историк — Матвей Меховский (1457—1523) — и отметил известные ему остатки битвы венгров с татарами — холмы и рвы [*Nosek*, 1967. S. 10; *Меховский*, 1938. С. 54—56]. Собственно Белоруссии оба хрониста

не касались. Талантливый историк польского и белорусского Средневековья М. Стрыйковский был первым, серьезно заинтересовавшимся древностями Белоруссии и Литвы.

В нашем распоряжении имеется несколько упоминаний письменных источников о белорусских курганах. Древнейшее находим у австрийского посла — князя Даниила фон Бухау, который ехал в Москву в 1576 г. На его вопрос о виденных им курганах местные жители отвечали, что это древние «гробницы», которым несколько сот лет [Бухау Д. фон, 1876]. То же говорили и путешественнику Николаю Варкочу — посланнику римского цесаря, ехавшему в Москву в 1593 г. [Аделунг, 1863. С. 175; Варкоч, 1877. С. 142]. Впрочем, иностранцы термин «волотовки» не употребляют, но в русских документах он фигурирует. Так, в 1595 г. в одном витебском документе сообщалось о передаче части земли «на полях Задунайских возле волотовок», в 1634 г. была составлена дарственная запись на «пляц» на «посаде» Заручавском (в Витебске) подле волотовок, наконец, в двух купчих крепостях 1623 и 1628 гг. есть сведения о земле Зверинецкой (там же) «за р. Двиною у волотовках» и об огороде за р. Двиною на посаде слободском, «подле волотовков» [Верёвкин, 1893. С. 198, 203, 204, 208].

Название «волотовки» могло появиться тогда, когда действительное назначение курганов было забыто (в период XI—XVI вв.), т. е. в результате христианизации и с уходом в прошлое языческого курганного обряда погребений. Хронологически это совпало с началом татаро-монгольского ига и перехода значительной части указанных земель под власть Литвы и Польши.

К «волотовкам» относились с почтением и при застройке городов их еще долго обходили. Есть документы, свидетельствующие о том, что та часть витебского Взгорья, где была церковь Иоанна Богослова, в 1522 г. еще не заселялась: «тая церковь Божая на поли стоять за местом» [Археографический сборник документов, 1867. С. 8, 9; Сапунов, 1893. С. 393]. Исходя из свидетельства И. Стебельского, маститый историк Витебска А. П. Сапунов проследил, что западная часть Заручавья «заселена была довольно рано, но восточная не заселялась вплоть до XVIII в.». Не будучи археологом, он не видел этому объяснения. Но причину найти не трудно. В документе 1602 г. рассказывается, как жители Витебска, поймав напавшего на город атамана Кондрата Дубину, вывели его в урочище «Заручайские Волотовки» и посадили на кол [Сапунов, 1893. С. 379]. Нам ясно, что указанная А. П. Сапуновым восточная территория Заручавья не была заселена до XVIII в. потому, что там были курганы и их стремились не трогать. По той же причине, видимо, не была заселена и часть Взгорья, о которой мы говорили. В XVI—XVII вв., по-видимому, все курганы на Руси еще воспринимались могилами прошлого, к ним относились с почтением и другое их применение (например, в качестве памятных насыпей) казалось нелепым. В наше время если «волотовки» связывают уже по-новому с могилами французов 1812 г., то полностью живет еще термин «городище»: так называют

места, укрепленные в древности, даже если укреплений этих давно уже нет: например, они распаханы [Алексеев, 1959. С. 281—282]. Что это такое, крестьяне не знают («церковь в землю ушла» — следы борьбы христианства с местами языческих молений?), но всегда безошибочно белорус укажет, какая гора — городище, а какая — нет [Алексеев, 1974а. С. 28]. Таким образом, народная память хранит свидетельства былых времен и выделяет памятники старины, хранит сведения и о древних памятных местах. Это относится, в частности, к так называемым Витовой, Баториевой и Ольгердовой дорогам, обыденные представления о которых бытовали вплоть до XX в. и значительно повлияли на научный интерес к ним.

Нужно отметить, что народная память выделяла не только древние могилы и дороги, но и древние, в частности домонгольские, церкви, и именно те, которые были выложены из плинфы [Воронин, Раппопорт, 1979б. С. 330, примеч. 4]. К древним храмам относились с особым пиететом. Раскопки «Нижней церкви» в Гродно (погибла в 1183 г.) показали, что ее стены четырехметровой высоты обросли культурным слоем почти до верха. Она, следовательно, долго оставалась нетронутой, «уходила под землю (обрастала культурным слоем) и лишь в конце XIV в. на ее месте, не разрушая ее остатков, поставили «Верхнюю церковь» [Воронин, 1954б. С. 127, 183]. То же обнаружилось в раскопках и на Минском детинце: недостроенная церковь конца XI в. длительно не застраивалась и также медленно зарастала культурным слоем [Тарасенко, 1957а; Загорульский, 1982; Алексеев, 2006].

Мацей Стрыйковский родился в Стрыкове в Мазовии, окончив Бжезинскую школу (1560 г.), учился в Краковском университете, но прервал там занятия и уехал в Литву (1565 г.). По предположению А. И. Рогова, он решил принять участие в разгоревшейся войне с Россией [Рогов, 1966. С. 22]. Восстановившись в университете в 1567 г., он окончил там курс, по-видимому, в 1569 г. С 1570 г. служил в витебском гарнизоне, начальник которого взял у него готовившуюся к печати рукопись для прочтения, не вернул ее и издал под своим именем в 1578 г. Это был Александр Гваньини [Gwagnin, 1578]. Об этом беспрецедентном плагиате М. Стрыйковский пишет с горечью сам [Strykowski, 1847. S. 316]. Трижды избежав плена в войне с русскими, М. Стрыйковский продолжал ревностно изучать польские хроники и русские летописи. В 1578 г. он закончил первый вариант своей новой книги — «Хроники», напечатанной в 1582 г., а вскоре принял духовный сан, что открыло ему двери многих библиотек и частных собраний магнатов. О дальнейшей деятельности М. Стрыйковского сведений нет.

Типичный представитель историографии XVI—XVII вв., М. Стрыйковский широко пользовался сказаниями народа, которые стремился тут же увязать с высказываниями Библии и авторитетнейших ученых древности [Робинсон, 1963. С. 105]. Подобно Длугошу, он много занимался письменными источниками, и благодаря ему, а также Длугошу и Вольскому, по свидетельству М. Д. Присёлкова, наука впервые узнала

о белорусских и западнорусских летописях [Присёлков, 1940. С. 17]. Русским летописям Стрыйковский доверял больше, чем литовским, т. е. местным. «Мне кажется, что это достаточно верно, ибо старые летописцы соблюдали правду», — пишет он в одном месте. Литовские же летописцы «значительно ошибались в отношениях времени и самого события», — свидетельствует он в другом [Рогов, 1966. С. 200, 205].

М. Стрыйковский много путешествовал по Белоруссии, осматривал древности, беседовал с жителями, поэтому у него можно встретить много упоминаний о древних реалиях. От замка Гедруса на оз. Кемонт «ныне едва видно городище, так как в древности, как и теперь в Литве, был обычай замки и города делать из дерева, почему следов древних памятников в тех краях столь мало видно, в противоположность тому, чего я сам насмотрелся в Греции и Италии...» [Strykowski, 1846. Т. 1. S. 118]. Следы замка на оз. Свирь «есть и сейчас — ибо замок, будучи деревянным, еще в давние времена пришел в негодность». Возражая Я. Длугошу и М. Меховскому, сомневающимся в месте битвы 1294 г. — у Троянова или Жукова, М. Стрыйковский сообщает, что эти места он посетил: Трояновское поле «ровное и песчаное», и он сам своими глазами видел, как пахарь там выпахал шпоры, три древка от шестов, круглую булаву и несколько наконечников стрел деревянной выделки, разрушенных временем. Отсюда видно, заключал историк, что под Трояновом, а не под Жуковым, Литва со своим князем Витеном одержала эту победу [Strykowski, 1846. Т. 1. S. 339; Рогов, 1966. С. 153.]. Как видим, археологический материал служит здесь для подтверждения исторических фактов.

Есть место, где хронист красочно описывает крепость Каменец-Подольска, куда вошли литовцы, завоевав Подолию. «Тот город и замок (в котором я сам бывал дважды) лежит от Хотина, валашского пограничного замка, и от Днестра-реки за две мили, в прекрасной равнине, почти как корона, созданная божьею рукою, только бы захотели ее сохранить и небольшими средствами поправить...» [Strykowski, 1846. Т. 2. S. 8; перевод А. И. Рогова: Рогов, 1966. С. 186]. Разъезжая по Белоруссии, ученый старательно изучал постройки Ольгерда и собирал сведения о тех из них, которые не сохранились. Так, он писал, что многие замки здесь исчезли, так как построены очень давно и из-за частого разрушения... еще и теперь очень много в Литве и в Жмуди мы видим городищ, которые являются явными признаками этих замков» [Strykowski, 1846. Т. 2. S. 48]. Описывает он и башню в Витебске, обращенную к Двине и соединяющую нижний каменный замок с верхним деревянным, и дополняет: «половина ее, отбитая и почти отрубленная Витовтом, стоит и поныне... Эти руины смотрел я сам, когда там нес полтора года службу в 1573 г.» [Strykowski, 1846. Т. 2. S. 109; Рогов, 1966. С. 194].

Известны были М. Стрыйковскому и «Борисовы камни» XII в. — громадные валуны с надписями полоцкого князя Бориса Всеславича (хронист, правда, считал, что Гинвиловича). Один из этих камней он

осмотрел сам, но надпись сообщил так, как ему передал «некий купец из Дисны» [Strykowski, 1846. Т. 1. С. 241]. При этом он наивно полагал, что фантастический полоцкий князь выбил надпись «Вспомози Господи раба своего Бориса сына Гинвила» на камне, лежащем в устье р. Двины, в память благополучной доставки материала для строительства церкви Бориса и Глеба в 1217 г. [Сементовский, 1890. С. 92]. Объяснение, которое дал этим камням историк, произвольно; но все-таки важно, что объяснить надписи он считал необходимым.

Итак, хронист XVI в. М. Стрыйковский был первым, кто начал привлекать древние памятники как серьезный исторический источник и с помощью этих источников пытался объяснить некоторые не вполне ясные моменты истории (место битвы и т. д.). Подобный подход в то отдаленное время был нов и важен для дальнейшего развития науки о древних памятниках.

К XVI в. относятся первые сведения о знаменитом большом напестольном кресте полоцкой просветительницы XII в. Евфросинии — подписном ювелирном изделии, выполненном мастером-эмальером Лазарем Богшей около 1161 г. Крест деревянный, длиной 51 см, обит золотыми с эмалью и серебряными пластинами с надписями, на нем укреплены жемчужная обнизь и драгоценные камни [Алексеев, 2006. Т. 2. С. 67—70]. Несмотря на пространное заклятие о неотчуждении, проставленное на кресте, реликвия была вывезена из Полоцка в Смоленск, затем в Москву и лишь по обету Ивана Грозного, после взятия русскими войсками Полоцка в 1563 г., возвращена на прежнее место. Баторий, завоевав Полоцк (1579 г.), передал Преображенский храм, где хранилась реликвия, иезуитам, а крест перекочевал в ставший тогда униатским Софийский собор и был возвращен на прежнее место лишь после воссоединения униатов (1839 г.¹). В годы Второй Мировой войны реликвия исчезла и изучается теперь лишь по фотографиям. Сведения о кресте Евфросинии XVI в. представляют запись, сделанную, по-видимому, вскоре после окончания похода Ивана Грозного на Полоцк в 1563 г. В составе какого источника находился этот текст, мы в точности не знаем. В Никоновской летописи, куда она была включена в XVII в., эта запись выглядит чужеродным телом. В самом деле, рассказав о том, что перед походом на Полоцк Грозный и царевичи Иван и Федор слушали у Бориса и Глеба на «Орбате» (Арбат — улица в Москве) обедню, благословились у митрополита Макария и двинулись через с. Крылатское в поход на Полоцк, летописец перечисляет чудотворные иконы, которые были взяты царем в поход: «Икону пречистыя Богородици, сиречь Донскую... да пречистую Богородицу чудотворную Колоцкую и иные многие чудотворные образы и кресты...» Далее, как бы вспомнив, он включает текст о кресте Евфросинии из другого источ-

¹ Речь идет о Полоцком соборе 1839 г., на котором униатское духовенство Белорусской и Литовской епархий в Российской империи приняло решение о возвращении в лоно Православной Церкви.

ника, не забываясь, впрочем, чтобы как-либо увязать текст с предыдущим изложением: «Когда же боголюбезный царь и великий князь, мысля итти на безбожную Литву, бе же тогда в его царской казне крест полоцкий, украшенный золотом и камнем дорогим, написано же на кресте: «...сделан крест в Полотску повелением княжны Евфросиньи и поставлен в церкви всемилостивого Спаса, да не изнесет его из тое церкви никто же, егда же кто из церкви изнесет, да примет с тем суд в день судный». Нецыи же поведают: впрежний некогда смоляне и полочане державше у себя государей князей по своим волям, и межь себя смоляне с полочаны воевахуться, и тот крест честный смоляне в Полотску взяша в войне и привезоша в Смоленск; егда же благочестивый государь князь великий Василей Иванович всеа Русии вотчину свою Смоленск взял, тогда же и тот честный крест во царствующий град в Москву привезен. Царь же и великий князь тот крест обновити велел и украсити, и тот честный крест взя с собою и, имея надежду на милосердного Бога и на крестьяную силу, победи врага своя, еже и бысть» [ПСРЛ. Т. 13. С. 347].

Автор вставки, по-видимому, не только видел крест в государевой казне и читал на нем надписи, но писал он тогда, когда реликвия по обету Грозного была возвращена в Полоцк, и воспроизвел надпись по памяти, но в общем верно и иногда даже близко к тексту («да не изнесет его истое церкви никто же» [Алексеев, 2006. Кн. 2. 69]). Интересно также, что надпись на кресте была понята читателем в XVI в. в том смысле, что «сделан крест в Полотску» (хотя такой надписи там нет¹). Характерно для церковного книжника, каким был, по-видимому, автор записи, что не «злото», не серебро, не камень, жемчуг и эмали, не высокая цена работы, наконец, даже не древняя дата и имя мастера, беспрецедентно поставленные на кресте (в 1563 г. изделию было 402 года), поразили его, а сложное зачатие, которое он и воспроизвел по памяти. Зачатие это, несомненно, и было причиной того, что драгоценная реликвия просуществовала в Полоцке еще 400 лет и исчезла из Могилёвского хранения музейных ценностей (свидетельство крупнейшего белорусского краеведа И. С. Мигулина) во время Второй Мировой войны [Арлоў У., 1992. С. 48—53]. Из Никоновской и близкой ей Лебедевской летописей мы узнаем, что за крестом Евфросинии шествовала передаваемая из уст в уста («нецыи же поведают...») его история. Оказывается, в Полоцке первое время он пролежал не так долго и при очередном взятии города смолянами (т. е., очевидно, в конце XII — начале XIII в. [Алексеев, 1966. С. 222]) был увезен в Смоленск. После победы Василия III над Смоленском, когда 1 августа 1514 г., в день «на Прохождение честного креста епископ Варсунофей с архимандритом и с игумены и со всеми соборы со священники и диаконы, взем чудотворную икону... Богоматери с честными кресты и иными многими святыми

¹ Изучив все близкие кресту эмали, Т. И. Макарова пришла к выводу, что Лазарь Богша был киевским мастером [Макарова, 1975. С. 72—73, 94—101]. Но это не окончательно, так как эмали, сделанные в Полоцке, не известны.

образы... сретоша государыня великого князя за градом на посаде...» [ПСРЛ. Т. 13. С. 19]. Здесь был, видимо, и полоцкий крест. Василий III взял реликвию в Москву, где она пролежала еще 49 лет и была возвращена в Полоцк Иваном Грозным. Кочевание реликвии продолжалось: в XVI в. Полоцк принадлежал Речи Посполитой, и с реликвией можно было поступать, «не взирая» на заклятие.

XVII—XVIII века внесли новую струю в изучение древних памятников Польско-Литовско-Белорусских земель. В это время особенное распространение получило коллекционирование древностей среди польских магнатов — Понятовских, Радзивиллов, Любомирских, Потоцких... Правда, собирались главным образом произведения искусства и редкости, но сюда же попадали и археологические предметы. В XVII в. возникают и первые историко-краеведческие интересы. В Польше в XVII в. появилась первая сводка городищ [Antoniewicz, 1950/51. Т. 17].

Становление научного знания

В XVIII в. во всем мире произошли кардинальные изменения. В социально-политическом плане это столетие ознаменовалось войной за независимость американских штатов, революционными потрясениями во Франции, началом освободительного движения народов, находившихся в зависимости от огромных империй Габсбургов и Оттоманской Порты... В культурном плане век Просвещения был отмечен созданием новой рационалистической философии и становлением исторического знания как знания научного. Классицизм и сменившие его романтизм и сентиментализм определили культурный облик Европы того времени.

Портреты Эльзбеты Огинской и ее мужа Антония Пузины — видных деятелей польского просвещения. Фото Л. В. Алексева

В XVIII в. в Польше было много магнатов, интересовавшихся прошлым своих земель, создававших музеи, проявлявших интерес ко многим наукам. В Западнорусских землях широкой известностью пользовалась владелица имения Лучай (под г. Глубоким в современной Витебской области) княгиня Эльзбета Огинская (умерла в 1767 г. и похоронена в Лучае), основавшая в Вильне даже собственную обсерваторию. Неизвестные ранее портреты княгини и ее второго мужа, князя Антония Пузины, были обнаружены в давно закрытом костеле в Лучае Л. В. Алексеевым при разведке в этом же крае в 1971 г., а ныне хранятся в фондах Витебского музея [Алексеев, 1974а. С. 78—79].

Однако более всего XVIII в. оказался заметным для России и ее культуры. Его начало было связано с петровскими преобразованиями, которые затронули все сферы человеческой деятельности. Благодаря «прорубленному» Петром «окном в Европу» русское общество смогло приобщиться к достижениям западноевропейской духовной и материальной культуры. XVIII в. дал целую плеяду замечательных россиян, вполне сопоставимых по сфере интересов и по значимости с крупнейшими учеными-энциклопедистами Европы. Для тех и других характерен равный интерес как к естественным, так и к гуманитарным наукам. Комплексное видение мира помогало им открывать новые законы мироздания.

Приехавшие в Россию немецкие историки Г. З. Байер, Г. Ф. Миллер, А. Л. Шлёцер сделали много для становления отечественной исторической науки. Однако очень скоро в России появился ряд собственных ярких историков, соединивших в себе достижения западноевропейской философии и накопленные с середины XVII в. национальные традиции исторического знания. Впрочем, изучение родной истории изначально во многом диктовалось сугубо утилитарными, прагматическими причинами. В 1718 г., 13 февраля, Петром I был принят указ, по которому предписывалось о всех любопытных находках докладывать царю. Позже гражданским и церковным властям предписывалось «прежние жалованные грамоты и куриозные письма» пересмотреть, переписать и предоставить в Сенат и Синод. Подобные указы должны были стимулировать интерес русского общества к местным достопримечательностям, выявить природные ресурсы и исторические памятники, находящиеся в той или иной местности, способствовать упорядочению юридической практики. Первый российский историк В. Н. Татищев (1686—1750) сам признавался в «Предъизвещении» к своему фундаментальному труду, что занятие историей изначально было лишь следствием его изучения географии России [Татищев В. К., 1994. С. 88]. Законодательство начала XVIII в. привело к постановке археологических исследований как государственной задачи. В 1721 г. по указу Сената сибирскому губернатору князю А. М. Черкасскому предписывалось запрещать переплавлять найденные в могильниках старинные золотые вещи и т. д. [Охрана..., 1978. С. 20—22]. В 1736 г. Анна Иоанновна издала указ о сохранении конских уборов, а в 1759 г. Академия наук объявила о сборе исторических

и географических сведений и описаний монастырей, для исправления Российского атласа требовалась «копия с исторических описаний оных для сочинения «Российской истории» [Охрана..., 1978. С. 25—27].

В. Н. Татищеву российская наука обязана организацией исторических и краеведческих исследований. Им в 1737 г., а затем и М. В. Ломоносовым, также работавшим над «Ландкартой Российской», от Академии наук были разосланы подробные анкеты для сбора сведений на местах. Для изучения собственно Западнорусских земель В. Н. Татищев для своего времени сделал также немало. По его собственному утверждению, он держал в руках Полоцкую и Смоленскую летописи, которые до нашего времени не дошли. Уникальные известия, содержащиеся в его «Истории Российской», являются предметом научных дискуссий, которые, то утихая, то разгораясь с новой силой, ведутся вот уже два столетия. В целом к труду В. Н. Татищева сложилось отношение и как к первому собственно историческому сочинению, написанному отечественным исследователем, и как к уникальному источнику, по сути дела последнему летописному своду. Однако сформировалась историографическая традиция, которая в значительной степени отказывает «татищевским известиям» в достоверности. Родоначальником критического направления следует считать Н. М. Карамзина, в своей «Истории государства Российского» подвергнувшего резкой критике ряд мест сочинения В. Н. Татищева. В советское время дело «Колумба российской истории» продолжали Е. М. Добрушкин и С. Л. Пештич. Первый посвятил «татищевским известиям» ряд источниковедческих статей [*Добрушкин*, 1974. С. 131—138; *Добрушкин*, 1976. С. 200—236; *Добрушкин*, 1977. С. 76—96], второй рассматривал «татищевский вопрос» в общем обзоре отечественной историографии XVIII в. [*Пештич*, 1961].

Наиболее обстоятельно критика уникальных известий «Истории Российской» представлена в монографии А. П. Толочко [*Толочко*, 2005]. Еще в сборнике статей «Древнейшие государства Восточной Европы. 1995 г.» А. П. Толочко, подвергнув критике несколько «татищевских известий», заключил: «Констатация поддельности, фальсифицированности, с современной точки зрения, одного места (или даже нескольких) в грандиозной “Истории Российской” в некотором смысле не бросает тень на весь труд» [*Толочко*, 1997. С. 262]. Теперь же автор поставил гораздо более масштабную цель. А. П. Толочко обстоятельно доказал, что все источники, считавшиеся не дошедшими до нашего времени, которыми пользовался В. Н. Татищев, могут быть достаточно хорошо реконструированы. Причем реконструированные А. П. Толочко татищевские источники вполне могут быть сопоставлены с сохранившимися ныне летописями. Например, загадочный Голицынский манускрипт близок к Ермолаевскому списку Ипатьевской летописи. По мнению автора, реконструируемые списки, которыми пользовался В. Н. Татищев, не могли содержать тех уникальных известий, которые мы находим в «Истории Российской». Уникальные «татищевские известия» — не что иное, как плод фальсификаторской работы самого В. Н. Татищева. С этой точки

зрения труд первого русского историка может быть сравнен с «песнями Оссиана» Джеймса Макферсона.

Созданная А. П. Толочко картина отличается стройностью и логичностью, и в дальнейшем сторонникам подлинности «татищевских известий» предстоит много труда, чтобы ее опровергнуть. Однако при прочтении указанного источниковедческого исследования возникают два вопроса. Во-первых, неужели молодая российская историческая наука в первой половине XVIII в. могла создавать подделки, равные по масштабу европейским фальсификациям, во-вторых, неужели один из родоначальников (именно родоначальников, а не просто представителей) российской научной историографии не довольствовался собственно исследованием, а пустился на изощреннейшую фальсификацию? При этом важно учесть масштаб деятельности и размах интересов В. Н. Татищева: военный, дипломат, крупный администратор, горный инженер, философ, историк и т. д. В самой же исторической науке, по образному выражению С. М. Соловьёва, он «указал путь и дал средства своим соотечественникам заниматься русскою историею» [Соловьёв, 1995. С. 217]. Мог ли при всем этом В. Н. Татищев найти время не просто для написания и переписывания русской истории (она дошла до нашего времени в двух редакциях и в большом количестве разновременных списков), но и для фальсификации ее?

Однако оставим эти вопросы в стороне. Для нашей темы важно само наличие сообщений о Западнорусских землях среди уникальных известий «Истории Российской». Их здесь достаточно много, и характеризовать каждый случай мы не имеем возможности. Условно «татищевские известия» можно разделить на те, что дают отличное от других источников освещение какого-либо события, и те, что не находят аналогий в дошедших до нас летописях. К первого рода сообщениям, относящимся к истории Западнорусских земель, следует отнести известие о захвате Владимиром Полоцка в 980 г. и предание о его сватовстве к Рогнеде. Выше уже разбирался этот сюжет по Повести временных лет. В «Истории Российской» об этом событии впервые мы узнаем из первой части, из главы, посвященной Иоакимовской летописи, которая сама по себе была и остается предметом научных споров. Здесь это событие предшествует междоусобице и выглядит как месть Владимира Рогволоду за то, что тот «повоева волости новгородские» [Татищев В. Н., 1994. С. 111]. При этом никакого романтического ореола рассказ не имеет. Захват Полоцка и убийство Рогволода с женой и сыновьями фигурируют как свидетельство жестокой расправы Владимира над своими политическими оппонентами, над теми, кто причинил ущерб земле, которой он правил. Таким образом, ракурс освещения события татищевской Иоакимовской летописью сильно отличается от трактовки этого же сюжета Повестью временных лет.

Однако есть сообщения «Истории Российской», характеризующие обстановку в Западнорусских землях, полностью отсутствующие в других источниках. Одно из них помещено во второй ее части под

1217 г. Известие, по словам В. Н. Татищева, было взято им из так называемой Полоцкой летописи, принадлежавшей либо А. Ф. Хрущёву, либо П. М. Еропкину¹, и повествует о сложной ситуации, возникшей в Полоцке в начале XIII в. Князь Борис Давидович женился вторым браком на дочери поморского князя Святохне, вместе с которой в город приехало множество иноземцев. Несмотря на принятие православия, Святохна сохранила свою приверженность католичеству, а в Полоцке была сильна пропоморская партия. У Святохны родился сын Владимир, которого сама она называла Войцехом. У князя Бориса Давыдовича были два сына от первой жены — Василько и Вячко, — и Святохна решила погубить своих пасынков. Она обманом заставила их испросить себе у отца волости и покинуть Полоцк. После отъезда пасынков в Двинскую землю Святохна задумала «известить» самых уважаемых полочан: тысяцкого Симеона, посадника Воина и ключника Добрыню. Последние были убиты поморянами на глазах князя Бориса Давыдовича. Однако дальнейшего произвола полочане уже не стерпели. В результате народного возмущения Святохна была посажена под стражу, а поморяне изгнаны из города [Татищев В. Н., 1963. С. 201—204; Татищев В. Н., 1964. С. 352—354]. Сообщение несколько раз подвергалось критике с точки зрения его аутентичности. Более или менее полная характеристика взглядов историков на достоверность известия дана в статье В. П. Богданова [Богданов В. П., 2002б. С. 191—197]. Здесь же нам было важно показать, что работа В. Н. Татищева полезна, в частности, для изучения судеб Днепро-Двинского междуречья. При этом она стала не только фактом историографии, но и источником знаний о событиях местной истории, не имеющих аналогов в других источниках.

Для нас важно так же и то, что В. Н. Татищев был первым из российских исследователей, пытавшихся самостоятельно разобраться в сложных перипетиях истории Западнорусских земель. Это выразилось, в частности, в попытке реконструкции генеалогии полоцких князей, которую мы находим в нескольких его примечаниях. С другой стороны, В. Н. Татищев первым пытался локализовать те или иные населенные пункты Днепро-Двинского междуречья. Заключение его были подчас наивны. Так, не было никаких оснований для отождествления летописного Лучина с Рославлем, городом, существующим до сих пор, тем более что летописец конкретно называл Лучин, а не Рославль [Татищев В. Н., 1963б. С. 98, 248]. При этом есть все основания утверждать, что В. Н. Татищев проявлял особый интерес к археологии [Гуревич Д. М., 1956. С. 261].

В целом же исследования историков XVIII в. ничего не добавляют к известиям летописей и ограничиваются, как правило, пересказом источников без соответствующей критики. Уникальных, подобных татищевским, известных их труды не содержат. Исключением может

¹ В первой редакции, в примечании № 457 владельцем рукописи В. Н. Татищев называет Еропкина, во второй редакции, в примечании № 597 — Хрущёва.

служить труд М. М. Щербатова (1733—1790). В нем приводится рассказ о новгородском «царском сыне» Волхе, умевшем оборачиваться в крокодила, «вред всем ходящим по реке чинил, а на конец и сам в сей реке потонул, с чего река Волховом называется». Выше уже отмечалась связь исторического Всеслава с былинным героем Волхом Всеславичем. Скорее всего здесь мы имеем дело с преданием об этом же былинном герое, а сообщение М. М. Щербатова может рассматриваться в общем комплексе известий, представляющих легендарного полоцкого князя и его мифических родственников. При этом автор предложил рационалистическую трактовку: «Истолкование сей басне можно такое дать, что он по сей реке разбойничал, а может быть, имея на своем судне изображение змея, подал притчину к баснословному повествованию, якобы сам в змея превратился» [Щербатов, 1770. С. 180—190]. Так или иначе, но это сообщение, относящееся к новгородской истории, также оказывается связано с полоцкими реалиями. Ведь летописный Всеслав Полоцкий захватил Новгород и снял купола со Св. Софии, и в дальнейшем новгородцы постоянно участвовали в коалициях против полоцких князей.

Кроме того, представляется интересным попытка М. М. Щербатова датировать покушение Рогнеды (Гориславы) на Владимира. Он относит его к 987 г., т. е. к кануну принятия Христианства [Щербатов, 1770. С. 257]. Примечательно, что именно в год выхода труда Щербатова художник А. П. Лосенко написал картину, посвященную сватовству Владимира к Рогнеде (о чем будет сказано далее).

Сочинение М. М. Щербатова не прошло незамеченным. Как известно, в научном плане оно вызвало весьма обстоятельную критику И. И. Болтина. Однако «История...» М. М. Щербатова, хотя и не пользовалась большой популярностью в силу своей громоздкости и тяжеловесности [Рубинштейн, 1941. С. 136], была более других исторических сочинений доступна для читателей. Тем более что сам автор имел почетное в глазах общества звание историографа. То есть «История...» М. М. Щербатова, первый том которой вышел в 1770 г., не могла не оказать влияния на развитие интереса российских граждан к прошлому.

Однако именно в XVIII в., несмотря на часто фантастические представления о прошлом, зарождается устойчивый интерес к археологическим памятникам и к научному изучению региональной истории. В этом плане по-разному сложилась исследовательская разработка истории Смоленской, Полоцкой, Турово-Пинской земель. В первом случае нельзя говорить о профессиональном изучении древностей. Что касается Полоцкой и Турово-Пинских земель, то следует констатировать, что их изучение польскими историками было поставлено на хорошую (для своего времени) научную основу. Да и вообще польскую науку по изучению истории и археологии в это время следует признать более передовой, чем русскую.

Первым исследователем белорусских древностей был Игнатий Кульчинский (1694/1707 — ок. 1747), архимандрит гродненского Колож-

ского монастыря [Алексеев, 1988. С. 100—105]. Его труды являются основным источником по истории гродненской Коложской церкви [Воронин, 1954]. Об этом ученом монахе известно мало. Он родился в окрестностях Гродно или Владимира Волынского. В 1727—1735 гг. находился в Риме, где одно время был генеральным прокуратором отцов базилианов. Параллельно много писал и издавал различные, чаще богословские, труды, усиленно занимался церковной историей [Алексеев Л. В., 1988; Марозава С., 2005]. Став архимандритом в Гродно, он погрузился в изучение архива Коложского монастыря и составил его историю, где немало места уделено Коложской церкви [Археографический сборник документов..., 1870]. «Относительно древности этой церкви я не видел ни одного документа, — сообщает он в так называемом “Инвентаре”, — однако я думаю, что Коложская церковь построена в то самое время и в том столетии, когда воздвигнут был полоцкий кафедральный храм, т. е. во время удельных русских князей и до обращения Литвы в святую веру. Думаю, что церковь эта основана и построена примерно около лета господня 1200». Основным доказательством этой даты был кирпич, из которого гродненская церковь была возведена: «эта церковь кирпичом и известкой похожа на кафедральную полоцкую церковь...» [Воронин, 1954. С. 409]. Действительно, Полоцкая София до ее перестройки Флорианом Гребницким в 1750 г. стояла в плачевном виде, кладки ее были хорошо видны, и И. Кульчинский их внимательно рассмотрел. Идея датировать храм по кирпичу-плинфе была абсолютно верна, но нельзя было, как мы теперь знаем, кладку (opus mixtum) с квадратной плинфой, типичной для XI в., сравнивать с плинфой удлиненной и рядовой кладкой Коложи, типичной для XII в. Но этого архимандрит XVIII в. знать не мог. Интересны и остальные разделы «Инвентаря»; например, в разделе о церкви он говорит о том, где она расположена, как укреплена, чтобы Неман ее не подмыл (он «велел построить у горы забор, привалить его навозом, а также велел посадить тут разные деревья»). Описывая внешний вид памятника, автор указывает на камни, которые «крестообразно» вделаны в стены, а выше «крестообразно вделаны в стенах кресты из полированных желтых и зеленых кирпичей» (поливных плиток). При описании интерьера речь идет о дверях, окнах, кирпичном поле, о «каменном потолке», который обрушился и т. д. «Достоин удивления, — пишет И. Кульчинский, — что в этом древнем храме во всех стенах находится множество отверстий, кажущихся маленькими и узкими, ибо только руку можно просунуть в них, но внутри стен, расширяющихся в большие и широкие горшки» (так описаны впервые голосники). Кончается «Инвентарь» описанием икон. При чтении этого произведения постоянно ощущается, что автор рассматривает храм как объект глубокой старины, он описывает не только внешний и внутренний вид, голосники, но и колонны, их форму, исследуя стены, приходит к выводу о великолепном якобы иконостасе, который некогда был в храме. Это первое подробное описание исторического памятника.

Следом за «Инвентарем» И. Кульчинский помещает «Хронику игуменов» монастыря, которую он составляет на основании монастырского архива начиная с 1480 г. (игуменство Калиста). Здесь есть свидетельства и о ремонтах храма (например, его фундатором Богоушем Боговитиновичем в начале XVI в.). Некоторые документы повергают его в удивление, и он приводит их с соответствующими комментариями [Воронин, 1954. С. 432].

И. Кульчинский интересовался и другими местными древностями. Живя некоторое время в Полоцке, несомненно, в Базилианском монастыре при храме Св. Софии (где тогда хранился крест Евфросинии), он видел эту реликвию и даже ее описал: «В кафедральной церкви полоцкой до сих пор хранится золотой крест великолепной работы с разными мощами, надпись на нем: “Hans crucem ego Famula Christi Parascevia templo S. Salvatoris in perpetum donavi”», т. е.: «Я, раба Христова Параскева, отдаю этот крест на вечные времена в церковь св. Спаса» [Kulczynski, 1733. S. 56].

Такой надписи, как мы знаем, на кресте не было. Еще А. П. Сапунов указывал, что это вольный перевод надписи на кресте, где Евфросиния заменена Параскевой [Сапунов, 1888в]. Легенда о Параскеве принадлежит XVI в., она нужна была католикам и униатам. Эта святая умерла, как считалось, в Риме, т. е. она была католичкой. Благодаря И. Кульчинскому о кресте Евфросинии (под именем Параскевы) узнали на Западе, его надписи фигурировали в искаженном виде в известном многотомнике Боландистов «Acta sanctorum» («Жития святых»), а оттуда перепечатывались в других изданиях [Paperbrochium, 1755. P. 288—290]. Увы, для первого историка белорусских древностей священника Игнатия Кульчинского соображения идеологического порядка были выше столь излюбленной им истины. Он поддерживал официальную версию, и истина относительно имени Евфросинии была восстановлена много позднее, другим ученым, тоже базилианином — Игнатием Стебельским (1781 г.), но гродненского архимандрита давно уже не было в живых [Stebelski, 1781. S. 121—122].

Местными древностями в эти времена интересовались и другие униатские деятели, источником для которых был, правда, все тот же М. Стрыйковский. Так, в Полоцкой Софии П. И. Кёппену показывали старинную книгу о местных храмах, где источником служила «Хроника» М. Стрыйковского [Кёппен, 1822. С. 44].

Проявляли интерес к древностям Белоруссии и польские магнаты, владения которых находились на ее территории. Но интерес здесь был достаточно специфическим: пополнить собственные музеи уникальными предметами. В замках и дворцах Радзивиллов, Сапегов, Хрептовичей, Тизенгаузенов создавались коллекции древних документов, книг, нумизматических находок, археологических древностей, многое привозилось из-за границы. Николай Радзивилл Черный (1515—1565), вернувшись из поездки в Европу, решил создать у себя нумизматический кабинет, подобный тем, которые он там видел. Так были заложены

основы будущего громадного несвижского собрания. Его сын Николай Радзивилл («Сиротка») (1549—1616), один из образованнейших людей своего времени, интенсивно пополнял музей не только нумизматическими приобретениями, но и старинным актовым материалом, а также художественными ценностями. В следующие два столетия в коллекциях Несвижа имелись старинное оружие, доспехи, художественная конская сбруя [Каханоўскі Г. А., 1984. С. 20, 21]. Есть сведения, что в этих магнатских музеях «скапливались и археологические коллекции» [Гуревич Ф. Д., 1962. С. 5] и во владении Хрептовичей Щорсы была собрана даже одна из первых собственно археологических коллекций, следы которой, к сожалению, утрачены [Каханоўскі Г. А., 1984. С. 22]. Есть и другие материалы, свидетельствующие о больших коллекциях роскошных музеев польских магнатов [Chwalewik, 1927].

В конце XVIII в. раскопки древних погребений в Белоруссии и Польше участились, и в значительной мере потому, что на них обращал внимание последний польский король Станислав Август Понятовский (1764—1795) — страстный любитель искусств и коллекционер, о котором современники говорили, что он имел больше склонностей, чем таланта и хорошего вкуса. Порой эти раскопки приобретали и своеобразную форму. В 1791 г., например, Тадеуш Чацкий, «облеченный полномочиями короля и примаса¹», орудовал не только в архивах и библиотеках, но и «вскрывал королевские могилы (для чего и нужно было разрешение примаса. — Авт.) на Вавеле, находя для Изабеллы Чарторыйской разные древние и ценные находки...» [Abramowicz, 1967. S. 10].

К этому же времени восходят и первые сведения о раскопках (далеких еще от науки) в Белоруссии. В собрание документов Винцентия Меницкого попало письмо Станислава Августа от 24 февраля 1790 г. к помещику Бжостовскому. Заинтригованный раскопками последнего в его имени Мосар (ныне Витебской обл.) и благодарный за присланные материалы раскопок (бубенчики на ремешке и пр.), коронованный любитель древностей просил дополнительных сведений: «не найдено ли еще чего-либо при скелете? Был ли он мужчиной или женщиной (это может выяснить всякий цирюльник), находился ли он в гробу или без, как глубоко залегал скелет и не сохранилось ли при нем остатков одежды?» Бжостовский отвечал, что скелет был мужским, погребен был без гроба, одежд не сохранилось, а закопан он был всего на глубину локтя. Лежал навзничь с вытянутыми руками, и кроме пустого горшка, который тут же рассыпался, ничего значительного не было. Правда, Бжостовский упоминал какие-то «скупки», которые он теперь отправил в Минское воеводство для пересылки королю. В 20 локтях от могилы, сообщил он далее, на той же глубине он нашел сгнивший конский скелет, что же до покойника, то он лежал на небольшом воз-

¹ Примас — в католических странах почетный титул церковного иерарха, обладающего высшей юрисдикцией над прочими епископами страны.

вышении [*Mienicki*, 1892. S. 285—289]. Как видим, вопросы короля обнаруживают в нем большую заинтересованность, и действительно, археология в самом широком смысле слова была его страстью [*Kroe*, 1892. S. 284—285]. Король был, как известно, весьма образованным для своего времени человеком, покровителем наук. Он владел огромной библиотекой, большая часть которой была подарена затем Павлом I могилёвскому епископу — известному деятелю Анастасию Братановскому, бывшему потом епископом Астраханским¹.

С вхождением Западнорусских земель в состав Российской империи после разделов Речи Посполитой древности края попали в поле зрения и российских исследователей. Так, во время экспедиции в Белоруссию и Литву в 1773 г. академик И. И. Лепёхин описал два больших камня в р. Двине. Впрочем, его сообщение о них, посланное в Академию наук 28 августа, не вызвало, по-видимому, никакого интереса. В результате в научной литературе первым после Стрыйковского упоминанием «Борисовых камней» стала публикация Т. Мальгина в книге «Зерцало российских государей». В сообщении говорилось об одном «Борисовом камне», причем надпись на нем была передана совершенно не удовлетворительно. Так, автор явно не понял окончание «волод» в имени Рогволод и принял его за начало слова «Володимир», на основании чего он отнес надпись к Владимиру Святославичу, внуку Владимира Мономаха [*Таранович*, 1946. С. 253]. Однако о сообщениях и Лепёхина, и Мальгина забыли почти на два десятилетия, и потребовалось усилие государственного канцлера Н. П. Румянцева, чтобы возродить интерес к Борисовым камням. Интерес к истории отдельных населенных пунктов обозначился отчетливо в 1780-е годы в связи с предстоявшей поездкой туда Екатерины II². В Смоленске императрице была преподнесена книга по местной истории, составленная на основании записок, «выданных просвещенным епископом Парфением». Записки эти касались в основном Смоленской губернии, однако среди рукописей Парфения был, оказывается, и «Полоцкий летописец», по-видимому, отличный от так называемых Литовских летописей, — вполне возможно, что это был тот самый летописец, который держал в руках В. Н. Татищев. К сожалению, вся библиотека епископа Парфения и все находящиеся в ней рукописи погибли в Смоленске во время пожара 1812 г. [*Мурзакевич*, 1903. С. 22 (примеч. И. И. Орловского)]. Как представляется, сочинение Парфения может рассматриваться в одном ряду с такими региональными исследованиями, как работы священника П. Иродионова по г. Торопцу (1778), А. Шафонского по Черниговскому наместни-

¹ После смерти Анастасия по завещанию библиотека поступила в Астраханскую семинарию [Два заседания..., 1858. С. 159]. Астраханский облархив сообщал, что сведения о судьбе этой ценнейшей библиотеки в Астрахани нет.

² Примечательно, что с поездкой Екатерины II связано народное предание о богатырь-Катерине, победившей войско легендарного Батуры, прототипом которого А. М. Сементовский считает польского короля Стефана Батория [*Сементовский*, 1890. С. 21].

честву (1786), И. Потапова по Пермской губернии (1801), В. Левшина по Тульской губернии (1803) [Ащурков и др., 1980. С. 7].

Приведенные примеры из области исторической науки, литературы и изобразительного искусства XVIII в. показывают, что в этот период в сознании русского общества уже был сформирован определенный образ Западнорусских земель, образ исторических и фольклорных деятелей этой территории. Однако собственно история этого края оставались terra incognita и обыденные представления имели мало общего с реально происходившими столетия назад событиями. При этом, особенно на территории Белоруссии, наметился устойчивый интерес к памятникам далекого прошлого. В области археологических исследований западнорусских древностей первенство принадлежит польским исследователям. Они-то и положили начало научному археологическому изучению региона. Таким образом, культурная миссия историков XIX в. была предпринята уже в XVIII в.

Отражение сюжетов западнорусской истории в произведениях художников и писателей XVIII в.

Представления русского общества об историческом процессе формировались не трудами профессиональных исследователей (если это словосочетание вообще применимо к историографии XVIII в.), а художниками и писателями-беллетристами. Как нетрудно заметить, такое положение характерно и для более поздних эпох. При этом художники и писатели-беллетристы в основу своих сюжетов кладут данные исторических источников и сочинений профессиональных историков, другое дело, что обращаться с ними они могут достаточно вольно.

Если говорить о XVIII — начале XIX вв., то, как прекрасно показано в статье И. Булкиной [Булкина И., 2008], это время противопоставления и одновременно сочетания «исторического» и «баснословного» в сюжетах о русской истории, отразившихся в изобразительном искусстве и литературе. Одной из ключевых фигур здесь стал князь Владимир, чья эволюция от деспота-язычника до мудрого христианского правителя (нашедшее отражение в летописи и житийной литературе) не могла не привлекать классицистов и романтиков. При этом наиболее интересными для художников и литераторов оказались эпизоды, связанные с Владимиром: сватовство к Рогнеде и покушение её на князя в отместку за убийство семьи, описанные в летописи под 980 и 1128 гг.

В 1754 г. была открыта Академия Художеств. Она стала не только главным учебным заведением, готовящим архитекторов и художников, но и главной инстанцией, определявший художественные вкусы образованной публики. Для нас важно, что вскоре после своего появления Академия Художеств стала «раздавать заказы» на создание полотен на те или иные сюжеты из русской истории.

Примечательно, что М. В. Ломоносов в письме вице-канцлеру князю А. М. Голицыну составил список под названием «Идеи для живописных

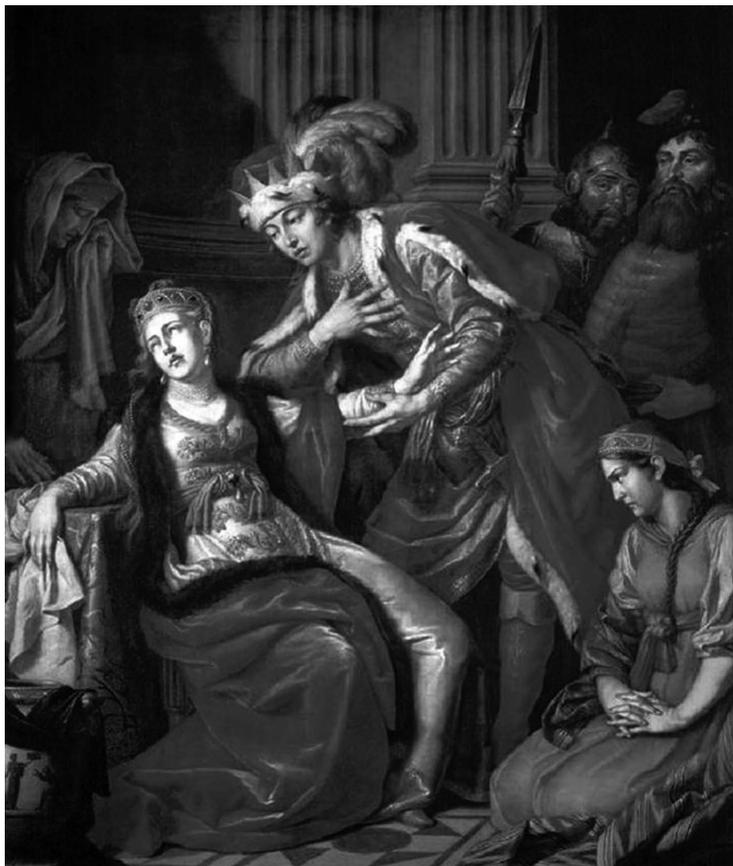
картин из российской истории». В нем он привел 25 сюжетов из русской истории от взятия Искоростеня княгиней Ольгой (945 г.) до подвига патриарха Гермогена (1611 г.). Среди них был и сюжет из прошлого западных земель: покушение Рогнеды на Владимира, описанное в летописном рассказе 1128 г. Сам Ломоносов так описывает этот сюжет:

«5. Горислава. Владимир, взяв за себя насильно Рогнеду, или Гориславу, княжну полоцкую, после на других женился и ее оставил. По нескольких годах, заехав в данное ей место увеселительное, и лег ночевать с нею. Горислава, хотя отмстить обиду и смерть своего отца и братьев, умыслила князя сонного зарезать, но он, по случаю проснувшись, схватил ее руку с ножом и велел готовиться на смерть, чтобы она, убравшись во всю княгине приличную богатую утварь, ожидала его к себе с саблею и была готова к смерти. Как Владимир пошел к ней в спальню, чтобы умертвить, малолетний сын его Изяслав, от Гориславы рожденный, по научению материну внезапно выскочил из потаенного места с обнаженною саблею и в слезах сказал: „Мать моя не одна. Я ее должен защищать, пока жив. Убей меня прежде, чтобы я смерти ее не видел“. Владимир умиаясь опустил руки и после уволил Гориславу с сыном на удел в Полоцк, в ее отчину» [*Ломоносов М. В., 1952*].

Нельзя сказать, насколько широко этот список был известен: он вообще составлялся Ломоносовым для предоставления ему сведений из архива Коллегии иностранных дел о древних костюмах и быте, которые он мог бы отобразить в своих художественных работах. В самой Академии Художеств подобные списки вполне могли составляться. Во всяком случае с 1770-х гг. ученики Академии стали активно обращаться к российской истории.

В этом контексте нельзя не вспомнить один памятник русской культуры, неразрывно связанный с сюжетами западнорусской истории. В 1770 г. русский живописец А. П. Лосенко (1737—1773) написал картину «Владимир и Рогнеда». В основу картины был положен известный летописный сюжет. Причем за основу был взят эпизод сватовства Владимира, когда Полоцк был захвачен, а семья Рогнеды убита. По мнению художника, новгородский князь любил полоцкую красавицу и совершил преступление в порыве страсти. На картине он изображен явно раскаивающимся [*Краснобаев, 1972. С. 248—250; Булкина И., 2008*]. Художник привносит в известный летописный сюжет весьма вольную интерпретацию. Вместо того чтобы представить, вслед за источником, Владимира как беспощадного политика и жестокого человека, он изображает его просто пылким влюбленным юношей, из-за страсти совершившим преступление и сожалеющего о нем. Подобное противоречие написанной картины с летописным сюжетом художник объяснял тем, что он знает подлинную историю, но пишет то, как на самом деле она должна была произойти. Согласно канонам классицизма и романтизма, художник искал героический сюжет для своей картины. При этом его интересовала именно отечественная история — к сюжетам европейским авторы до него обращались не раз. Ради соблюдения классицисти-

ческих канонов А. П. Лосенко готов был пожертвовать исторической достоверностью. Для этого он не только изменил трактовку летописного сюжета, но и нарядил героев картины в европейские средневековые одежды (как чуть позже в литературе это сделали Левшин и Попов), даже отдаленно не напоминающее реальные костюмы Руси X в. То есть то, ради чего М. В. Ломоносов, составлял свой список — получение достоверных описаний быта древних эпох — ещё долго оказывалось невостребованным.

А. П. Лосенко. Владимир и Рогнеда, 1770 г.

В начале 1772 г. писатель Я. Б. Княжнин написал драму «Владимир и Ярополк». В ней фигурирует «любовный треугольник», описанный в летописи: «Ярополк — Рогнеда — Владимир», но самих западнорусских реалий в драме нет. Впрочем, как и общерусских, а сам «переимчивый Княжнин» в качестве фабулы взял трагедию Ж. Расина «Андромаха» (1667).

Более историчной выглядит «полоцкая тема» в драме М. М. Хераскова «Идолопоклонники или Горислава» (1782). Во-первых, в ней периодически звучит история об убийстве семьи Рогнеды и о захвате

Полоцка. Во-вторых, в ней обыгрывается летописный рассказ 1128 г., по которому Изяслав заступился за мать. Но главные герои, конечно, абсолютно классицистичны: они разрываются между чувством и долгом. Так Рогнеда хотя и ненавидит Владимира за убийство семьи, но всё же любит его. К тому же уже само название («идолопоклонники») снимает многие вопросы — оно означает, что зрителю или читателю не следует подходить к сюжету с привычных (христианских) позиций.

Применительно к нашей теме показательны сочинения В. А. Левшина и М. И. Попова. В их фантастических легендах, основанных на былинных сюжетах, часто встречаются «полоцкие» имена. В фантастическом сочинении Попова 1778 г. фигурирует некий «Вельдюзь, князь полотский» («Старинные диковинки, или Удивительные приключения славенских князей, содержащие историю храброго Светослана, Вельдюзя, полотского князя; прекрасной Милославы, славенской княжны, Видостана, индийского царя; Остана, древлянского князя, Липоксая, скифа; Руса, Бориполка, Левсила и страшного чародея Карачуна»). В сочинениях Левшина 1780 г. фигурирует красавица Рогнеда («Приключения Баламира, государя уннов»), а киевский князь Владимир именуется «Всеславичем» («Повесть о славном князе Владимире киевском солнышке Всеславьевиче и о сильном и могучем богатыре Добрыне Никитиче»). В последнем сочинении мы находим и термин «Белоруссия», что само по себе примечательно.

Само же творчество Левшина, Попова и другого писателя этой же плеяды — М. Чулкова было вызвано движениями не только русской, но и в целом европейской литературной традиции. Так, во второй половине XVIII в. в Европе были изданы 112 томов «Всеобщей библиотеки романов» (1775—1789), 39 книг «Вымышленных путешествий» (1787—1789) и 41 книга «Кабинета фей» (1785—1789). «Означенная литературная сказка, поглотив вдосталь сюжеты «народных книг», рыцарских романов, восточных фантастических эпопей... на долгие времена овладела вниманием читающей публики» [Медведев, 1991. С. 5]. Новое идейное и художественное направление духовной культуры постепенно завоевывало свое положение в Европе — романтизм. Он ознаменовался пробуждением интереса к национальному прошлому (нередко его идеализации), традициям фольклора и народного искусства. Захватил он и Россию. Левшин и Чулков оказались авторами первых сочинений о русских народных суевериях и мифологии. Кроме того, как мы видели, они, подобно Шарлю Перро и братьям Гримм в Европе, активно использовали фольклорные материалы и исторические сюжеты (во всяком случае, подлинные имена) в своих литературных сочинениях. При этом герои Левшина, Чулкова и Попова, носящие имена древнерусских князей или представленные как древнерусские князья, выглядят абсолютно европейскими рыцарями: и по этикету поведения, и по манере ведения боя и т. д. Однако само обращение Левшина и Попова к «полоцким именам» и некоторым фольклорным реалиям западнорусской истории достаточно примечательно.

Отчего же возникают столь фантастические представления о Полоцке? Полоцк, как Туров и Пинск, до разделов Речи Посполитой не входил в состав Российской империи. То есть народная историческая память их связывала с древнейшими временами русского государства, но бытовое сознание отождествляло их более с западным, чем с отечественным миром.

* * *

Как мы видим, время с начала русского летописания вплоть до конца XVIII в. можно назвать начальным периодом изучения западнорусских древностей. Раздельное существование Западнорусских земель (только в самом конце рассматриваемого периода они вошли в состав Российской империи) затрудняло целостное изучение региона. Оно еще было далеко от настоящих научных разработок и базировалось в первую очередь на преданиях, зафиксированных ранними летописцами, а затем и более поздними компиляторами, или просто на устных рассказах. Сами памятники старины лишь своим существованием подтверждали то или иное научное положение (этим широко пользовался М. Стрыйковский). Об археологии как науке до XVIII вв. говорить не приходится. Впрочем, на польской части Западнорусских земель в это время складывались первые коллекции древностей, а в XVII—XVIII вв. начали проводиться случайные, но тем не менее раскопки. В России именно в это время, в основном после петровских преобразований, началось активное выявление памятников древности. В. Н. Татищев, а также немецкие историки, приехавшие работать в Россию, немало этому способствовали и тем самым подготавливали материал для дальнейших исследований. Уже в XVIII в. была высказана мысль о необходимости выявления памятников древности путем рассылки соответствующих анкет на места. Однако результатов эти затеи не имели, хотя к самой идее рассылки анкет неоднократно возвращались на протяжении всего дореволюционного периода. Если научного представления о ранней истории Западнорусских земель еще не сложилось, то на бытовом уровне были распространены прямо-таки фантастические представления об этих землях. Представления эти были унаследованы, видимо, из глубокой древности, когда жители Полотчины (и в первую очередь сам знаменитый князь Всеслав) окутывались ореолом легенд. Как известно, примерно в это время в «Сборнике Кириши Данилова» была зафиксирована былина о Волхе Всеславиче, которая прямо связывала фантастического героя с династией полоцких князей.

Полоцкие деятели далеких эпох в сознании людей XVIII в. были абсолютными европейцами: по одежде, по манере и мотивам поведения и т. д. Таким образом, классицизм и романтизм способствовали пробуждению интереса русского общества к отечественной истории, но удовлетворяли этот интерес в большей степени писатели и художники, а не профессиональные исследователи.

Глава 2

ЭПОХА Н. М. КАРАМЗИНА И Н. П. РУМЯНЦЕВА В ИЗУЧЕНИИ БЕЛОРУССКИХ И СМОЛЕНСКИХ ИСТОРИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ

...Когда я впервые вошел в эти подвалы, забитые рукописями, в этот чудесный некрополь памятников национальной истории, я готов был с радостью воскликнуть... «Здесь я останусь навсегда, ибо я этого хотел!» Однако в ощутимом молчании этих галерей я быстро научился улавливать движение и шепот, не принадлежавшие смерти. Эти бумаги и пергаменты, так давно заброшенные всеми, желали ни больше ни меньше, как вновь увидеть свет: ведь это же не просто бумаги, а жизни людей, провинций и стран... все они жили и говорили, окружая автора стоязычной армией. Вдыхая их пыль, я видел, как они встают. Они восстали из гробниц, один поднимал руку, другой — голову, словно в «Страшном суде» Микеланджело или в пляске смерти....

Жюль Мишле

«Послушайте: я сказку вам начну
Про Игора, и про его жену,
Про Новгород, про время золотое,
И наконец про Грозного царя...» —
«И, бабушка, затеяла пустое!
Докончи нам Илью-богатыря».

А. С. Пушкин

Следующий период в изучении западнорусских древностей падает на первую четверть XIX в., когда рассматриваемая территория, уже в воссоединенном виде, находилась в составе Российской империи. Изучение истории этих земель развивалось в общем историографическом русле. Однако некоторые ключевые события истории России начала XIX в. имели наибольшее влияние на изучение именно этого региона. Речь идет в первую очередь об Отечественной войне 1812 г., дважды прокатившейся по Западнорусским землям.

Без преувеличения можно сказать, что наиболее крупными фигурами в российской историографии этого периода были Н. М. Карамзин

и Н. П. Румянцев. Оба внесли неоценимый вклад в изучение истории России, как в области политической истории (особенно Н. М. Карамзин), так и в области вспомогательных исторических дисциплин. И Н. М. Карамзин, и Н. П. Румянцев по своему воспитанию, по сфере своих интересов принадлежали к XVIII в. Идеи, заложенные В. Н. Татищевым, М. В. Ломоносовым, М. М. Щербатовым и др. были привнесены ими в XIX в.

Эпоха Карамзина и Румянцева совпала с царствованием Александра I. Новый император в ночь с 11 на 12 марта 1801 г. перед солдатами сказал: «Все при моем царствовании будет делаться по принципам и по сердцу моей любимой бабушки, императрицы Екатерины» — такой фразой закончилось короткое правление Павла I, в эту ночь убитого заговорщиками [Валлотон, 1991. С. 54]. Это означало возврат к идеалам эпохи Екатерины II. Павел I, как и его отец, был сторонником прусской моды, Александр, как и его царственная бабка, был больше приверженцем русских порядков. В этой связи не случайно, что «дней Александровых прекрасное начало» пробудило в современниках интерес к отечественной истории. Это было следствием самого духа эпохи — развития идей французских просветителей, а также господства в искусстве таких течений, как классицизм, романтизм и сентиментализм. Ампи́р, пришедший из наполеоновской Франции, не только еще раз всколыхнул интерес к античным древностям, но и побудил россиян узнать свою собственную историю.

В 1802 г. петровские коллегии были заменены министерствами. В ведении Министерства просвещения оказалось управление общеобразовательными школами, университетами, научными учреждениями и издательским делом. За «Предварительными правилами народного просвещения» (1803 г.) был введен университетский устав (1804 г.), созданы шесть учебных округов России, в каждом из которых был университет. Основанный на принципе уважения к науке устав давал университетам полную свободу преподавания.

Просветительские тенденции всколыхнули интерес к древностям. Древние авторы «были у каждого из нас почти настольными книгами», — вспоминал декабрист И. Д. Якушкин [Якушкин, 1951. С. 20]. О своей национальной истории, своих древностях думали еще мало. Н. М. Карамзин еще не издал своего классического труда, русские древности почти не были известны, их не замечали. Первый министр Министерства просвещения граф П. В. Завадовский, например, перед образованием его министерства писал: «Ежели не все, то однако же многие пробежал я наши истории и летописцы. Хаос, не очищенный от лжи и невежества! ...Пишущим монахам не спорили монастырские стены, а мир легковёрный потому, что непросвещенный, всякую всячину принимал за истину, яко исходящую от святыни. Сим образом, я полагаю, составила история нашей древности, на которую по-пустому устремляем наше любопытство...» И далее: «История наша всегда будет для читателя скучна, ежели черпать хотим оную глубже, а не от времени Пе-